

А. Л. БЕМЪ.

„СКУПОЙ РЫЦАРЬ“ ПУШКИНА ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ДОСТОЕВСКАГО.

(СХОЖДЕНІЯ И РАСХОЖДЕНІЯ)

„У насъ все вѣдь отъ Пушкина“.
Достоевскій.

I.

Во время работы надъ „Анной Карениной“ въ мартѣ 1874 года Л. Толстой писалъ П. Д. Голохвастову: „Давно ли Вы перечитывали прозу Пушкина? Сдѣлайте мнѣ дружбу — прочтите съ начала всѣ повѣсти Бѣлкина. Ихъ надо изучать и изучать каждому писателю. Я на дняхъ это сдѣлалъ и не могу Вамъ передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе.“¹⁾ Въ томъ же году, во время мучительнаго обдумыванія плана своего будущаго романа „Подростокъ“, Достоевскій въ Эмсѣ перечитываетъ Пушкина. „Послѣ кофе утромъ я что-нибудь дѣлаю, до сихъ поръ читалъ только Пушкина и упивался восторгомъ, каждый день нахожу что-нибудь новое...“, пишетъ онъ женѣ 28/16 іюня 1874 г.²⁾ Могло ли пройти безслѣдно и для Толстого и для Достоевскаго такое вдумчивое чтеніе Пушкина, особенно въ періодъ ихъ наибольшаго творческаго напряженія? Мы думаемъ, что нѣтъ. Внимательное изученіе „Анны Карениной“ должно будетъ установить со временемъ слѣды пушкинскаго воздѣйствія на гениальное произведеніе Толстого. Изученіе „Подростка“ уже сейчасъ съ несомнѣнностью приводитъ изслѣдователя къ убѣжденію, что пушкинскіе образы владѣли художественнымъ воображеніемъ Достоевскаго въ періодъ обдумыванія и работы надъ этимъ произведеніемъ.³⁾

¹⁾ Въ неотосланномъ письмѣ къ Голохвастову отъ 30 марта 1874 г. Толстой еще опредѣленнѣе говоритъ объ этомъ впечатлѣніи на него отъ перечитыванія Пушкина: „Вы не повѣрите, что я съ восторгомъ, давно уже не испытываемымъ, читалъ это послѣднее время, послѣ Васъ — повѣсти Бѣлкина, въ седьмой разъ въ моей жизни. Писателю надо, не переставая, изучать это сокровище. На меня это новое изученіе произвело сильное дѣйствіе.“ См. Н. Гусевъ. „Толстой въ расцвѣтѣ художественнаго гения“. М. 1928, стр. 168.

²⁾ Письма Э. М. Достоевскаго къ женѣ. М. 1926 г., стр. 110.

³⁾ Въ своей работѣ „Гоголь и Пушкинъ въ творчествѣ Достоевскаго“, Slavia, т. VII, кн. I и т. VIII (печатается), я уже пытался показать, какъ въ „Подросткѣ“

„Я еще въ дѣтствѣ выучилъ наизусть монологъ „Скупого Рыцаря“ у Пушкина, — говоритъ Подростокъ, — выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ“.¹) Въ этихъ словахъ Подростка содержится не только прямое указаніе на извѣстную общность идеи „Скупого Рыцаря“ съ „идеей“, овладѣвшей его сознаниемъ, но и высокая оцѣнка самимъ Достоевскимъ идейнаго ядра драмы Пушкина. Намъ думается, что именно въ идейномъ содержаніи „Скупого Рыцаря“, а не въ совпаденіяхъ сюжетнаго характера надо искать отраженій Пушкина въ творествѣ Достоевскаго. Внѣшнія отраженія только слѣдствіе этого болѣе глубокаго внутренняго сродства. Въ этомъ лежитъ характерная особенность Достоевскаго. Онъ глубоко проникалъ въ художественный замыселъ произведеній, чѣмъ-либо остановившихъ его вниманіе; онъ съ поразительной интуиціей вживался въ художественныя коллизіи, которыя ставились передъ нимъ въ творествѣ другого писателя, и по своему переосмысливалъ ихъ. Для него чужое художественное творчество часто было отправной точкой собственныхъ построеній, какъ бы оселкомъ, на которомъ онъ пробовалъ свою силу.

Для насъ здѣсь становится на очередь одинъ вопросъ большой принципиальной важности. Обычно склонны утверждать большую зависимость творческаго развитія Достоевскаго отъ западныхъ писателей. Въ послѣднее время особенно сильно выдвигается именно эта точка зрѣнія. Вліяніе нѣмецкаго романтизма — Гофмана и Шиллера, вліяніе французскаго авантюрнаго романа, воздѣйствіе Гюго, Жоржъ Зандъ и Бальзака — вотъ кругъ темъ, которыми полны работы послѣднихъ лѣтъ о Достоевскомъ.²) Нельзя отрицать, что работы эти въ большинствѣ случаевъ опираются на большой фактическій матеріалъ, и многое въ нихъ весьма убѣдительно. И все же здѣсь что-то упущено, упущено то главное, безъ чего вообще нельзя понять литературнаго развитія.

скрестились вліянія „Пиковой Дамы“ и „Скупого Рыцаря“ Пушкина. Но, сосредоточивши свое вниманіе на отраженіяхъ „Пиковой Дамы“ въ творествѣ Достоевскаго, я вынужденъ былъ въ этой работѣ тему о „Скупомъ Рыцарѣ“ оставить въ сторонѣ. Близость обѣихъ темъ вынуждаетъ меня, къ сожалѣнію, обращаться временами къ одному и тому же матеріалу. Во избѣжаніе повтореній я принужденъ отказаться отъ кое-какихъ цитатъ, уже использованныхъ въ предыдущей работѣ. Такимъ образомъ, обѣ статьи являются какъ бы дополняющими другъ друга.

¹) Романъ „Подростокъ“ цитирую здѣсь и дальше по изд. „Полное собр. художеств. произв.“, Госуд. изд. М. 1927 г. т. VIII. См. стр. 77.

²) См. напр. работы Л. П. Гроссмана: „Композиція въ романѣ Достоевскаго“, „Бальзакъ и Достоевскій“ (въ кн. „Творчество Достоевскаго“, М., изд. „Совр. Проблемы“ 1928 г.), В. В. Виноградова: „Изъ біографіи одного ‚неистоваго‘ произведенія (Послѣдній день приговореннаго къ смерти)“, въ книгѣ „Эволюція русскаго натурализма. Гоголь и Достоевскій“. Петерб. 1929 г., И. И. Лапшина „Красный кабачекъ“ Бальзака и „Братья Карамазовы“ Достоевскаго („Воля Россіи“ 1927 г. № 2), работа В. Комаровича о „Братьяхъ Карамазовыхъ“ („Die Brüder Karamasoff. Neue Untersuchungen u. Materialien“ въ кн. „Die Urgestalt der Brüder Karamasoff“. München, 1929). О Шиллерѣ и Достоевскомъ печатаеть работу Д. И. Чижевскій (въ Ztschr. für slav. Philol. VI, 1); о Гофманѣ см. Wolfgango Giusti „Dostojevski ed il pensiero tedesco“ (Rivista d'Italia, 1926, XXIX, 5, стр. 692—718).

Я имѣю въ виду ту національную почву, на которой развивается литература, ту преемственность въ развитіи, которая неизбежно прежде всего опирается на родную почву. Какъ бы велико ни было вліяніе на формальное и идейное развитіе творчества Достоевскаго иностранных писателей, оно не можетъ идти въ сравненіе съ той силой воздѣйствія, которая оказывалась на него предшествующей русской литературой. Достоевскій прежде и раньше всего долженъ быть понять, какъ явленіе русскаго литературнаго развитія.

Самъ Достоевскій какъ нельзя лучше понималъ это. Онъ не переставалъ твердить, что „у насъ все отъ Пушкина“. Уже въ статьѣ „Г.-бовъ и вопросъ объ искусствѣ“ 1861 г. („Время“, февр. кн.) Достоевскій писалъ: „Вѣдь и мы къ современнымъ вопросамъ прошли черезъ Пушкина; вѣдь и для насъ онъ былъ началомъ всего, что теперь есть у насъ.“¹⁾ А въ замѣчательной статьѣ объ „Аннѣ Карениной“ въ „Дневникѣ писателя“ онъ прямо утверждаетъ эту преемственность въ литературномъ развитіи. „Безспорныхъ гениевъ, съ безспорнымъ ‚новымъ словомъ‘ во всей литературѣ нашей было всего только три: Ломоносовъ, Пушкинъ и частью Гоголь. Вся же плеяда эта, — говоритъ онъ о писателяхъ-современникахъ, — (и авторъ „Анны Карениной“ въ томъ числѣ) вышла прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ людей, но далеко еще не понятаго и не растолкованнаго“. И дальше: „Вся теперешняя плеяда наша работала лишь по его указаніямъ, но ваго послѣ Пушкина ничего не сказала. Всѣ зачатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да къ тому же она разработала лишь самую малую часть изъ указаннаго. Но зато то, что они сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ такою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призналъ бы ихъ“...²⁾ Трудно съ большей ясностью высказать свое убѣжденіе въ прочной связи своей и своихъ современниковъ съ предшествующей русской литературой, въ частности съ Пушкинымъ. Всякій, кто хоть немного изучалъ литературно-критическіе взгляды Достоевскаго, отличающіеся большой цѣлостію и постоянствомъ, долженъ будетъ отнести къ этимъ показаніямъ его съ большимъ вниманіемъ.³⁾ Но и безъ этихъ прямыхъ указаній самого Достоевскаго, уже только на основѣ анализа одного его художественнаго творчества, все больше выясняется необходимость внимательнаго

¹⁾ Полн. собр. соч. 1895 г. изд. Маркса, т. IX, ч. I, стр. 86.

²⁾ Дн. пис. 1877 г. Июль—авг. Гл. II/3. Изд. Ладыжникова, стр. 316—317.

³⁾ Юр. Тыняновъ въ интересной работѣ своей „Достоевскій и Гоголь“ (П. 1921) склоненъ отрицать пушкинскую струю въ творствѣ Достоевскаго и даже взять подъ подозрѣніе правильность его собственныхъ указаній на эту связь. Для защиты этого убѣжденія ему пришлось выставить едва-ли защитимый тезисъ, что „почти вся русская литература XIX в. обходила Пушкина“ (стр. 6). Вопросы литературной преемственности нельзя свести къ одной „борьбѣ“ со старымъ, какъ это дѣлаетъ Ю. Тыняновъ („всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба“); остается въ полной силѣ и законъ дальнѣйшаго развитія и углубленія этого стараго. „Пушкинская“ и „гоголевская“ струи отнюдь не исключали другъ друга въ творствѣ Достоевскаго, а наличествовали одновременно, какъ я старался показать въ упомянутой своей работѣ.

сопоставленія не только однихъ творческихъ образовъ Достоевскаго, но и всей его проблематики съ его предшественниками въ русской литературѣ, и прежде всего съ Пушкинымъ и Гоголемъ.

Въ частности, именно это заставляетъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ вышеприведеннымъ словамъ Подростка о „Скупомъ Рыцарѣ“: „выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ“.

2.

Тема бѣдности и связанныхъ съ нею страданій и униженій вошла и утвердилась въ творествѣ Достоевскаго, начиная съ его перваго романа — „Бѣдные люди“. На общемъ фонѣ „гуманистической“ литературы 40-ыхъ годовъ казалось, что Достоевскимъ руководили въ выборѣ этихъ темъ исключительно мотивы соціальной справедливости. Какъ-то мало замѣченнымъ осталось то, что уже съ перваго произведенія у Достоевскаго намѣчается особый мотивъ „бунта бѣдняка“, въ основѣ котораго лежитъ протестъ личности противъ несправедливости судьбы. Бѣдность воспринимается какъ нарушеніе права личности, какъ стѣсненіе тѣхъ возможностей, которыя въ ней заложены.

Уже Макаръ Алексѣвичъ, при всей своей робости и забитости, находится на грани бунта. „Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошей-то человекъ въ запустѣнни находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?“ спрашиваетъ онъ Вариньку и самъ ловитъ себя на томъ, что это „вольномудство“. И если онъ на протяжении своей переписки упорно твердитъ и убѣждаетъ Вариньку, что „во всемъ воля Божія“, что „воля то Божія непремѣнно должна быть“ и „Промыслъ Творца Небеснаго, конечно, и благъ, и неисповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое“, то за этими утвержденіями слишкомъ явно слышатся сомнѣнія, закравшіяся въ робкую душу Дѣвушкина.¹⁾ „Слишкомъ вольная мысль“ нѣтъ нѣтъ и прорвется у него, и ему приходится оправдываться въ своемъ вольномудствѣ: „эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выливается“.²⁾ Но не самъ Макаръ Алексѣвичъ явится настоящимъ „бунтаремъ“; онъ найдетъ свое воплощеніе въ наблюдателѣ чужого горя, Аркадіи Ивановичѣ, другѣ Васи Шумкова („Слабое сердце“), какъ я старался уже показать въ другомъ мѣстѣ, при постановкѣ вопроса объ отраженіяхъ „Пиковой Дамы“ въ творествѣ Достоевскаго.³⁾

Бунтъ противъ бѣдности только одинъ изъ частныхъ случаевъ бунтарства героевъ Достоевскаго противъ судьбы-рока, одного изъ постоянныхъ мотивовъ его романовъ-трагедій. Въ конечномъ счетѣ это

¹⁾ Ром. „Бѣдные Люди“ цитирую по „Полн. собр. худож. произв.“, изд. Госиздата, т. I. Пет. 1926. См. стр. 82 и 89.

²⁾ Т. ж., стр. 85—86.

³⁾ См. мою статью „Гоголь и Пушкинъ въ творествѣ Достоевскаго“, гл. II. Slavica, т. VIII, кн. I, стр. 84—85.

бунтъ противъ Промысла Божія, это бунтъ Ивана Карамазова съ „почтительнѣйшимъ возвращеніемъ билета“ Богу.

Въ „Скупомъ Рыцарѣ“ Пушкина мотивъ бѣдности и человѣческихъ страданій находится на заднемъ планѣ, но зато рѣзко выдвинута, благодаря отрыву этого мотива отъ вопросовъ социальнаго порядка, та сторона, которая особенно задѣвала художественное воображеніе Достоевскаго, а именно униженіе личности, связанное съ бѣдностью.

„... О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!...“¹⁾

Эти строки были несомнѣнно хорошо памяты и понятны Достоевскому. Бѣдные — это для него прежде всего „униженные и оскорбленные“, и сколько незабываемыхъ художественныхъ образовъ создалъ онъ, чтобы показать, какъ искажаетъ это униженіе человѣческую душу! Въ связи съ проблемою бѣдности Достоевскому особенно близка была основная идея пушкинской драмы — идея утвержденія своего могущества путемъ богатства. Если бѣдность унижаетъ человѣческую личность, то въ бунтѣ своемъ противъ этого униженія непременно разрастается убѣжденіе во власти денегъ. Деньги становятся въ представленіи бунтаря той силой, которая можетъ исправить несправедливость судьбы, можетъ возстановить случайное неравенство, созданное игрою случая. Понятно, что вопросъ о путяхъ достиженія могущества черезъ богатство долженъ былъ чрезвычайно занимать Достоевскаго. Такихъ путей было два — путь игры и путь накопленія. Они были между собою тѣсно связаны и у Пушкина и у Достоевскаго. Это видно хотя бы изъ того, какъ легко ихъ герои сбиваются съ одного пути на другой. Германъ въ „Пиковой Дамѣ“ начинается съ пути накопленія, чтобы сорваться на путь внезапнаго обогащенія, этому же соблазну подверженъ и герой „Подростка“: „... Мнѣ деньги были нужны ужасно, — говоритъ послѣдній, — и хоть это былъ и не мой путь, не моя идея, но такъ или этакъ, а я тогда все таки рѣшилъ попробовать въ видѣ опыта и этимъ путемъ.“²⁾ Мы знаемъ, что на искушеніи внезапнаго обогащенія путемъ игры построенъ и „Игрокъ“ Достоевскаго, связанный также съ мотивами пушкинской „Пиковой Дамы“.³⁾

Былъ еще другой путь внезапнаго обогащенія — путь преступленія. Онъ также намѣченъ былъ Пушкинымъ въ образѣ Германа, рѣшившаго силой вывѣдать тайну трехъ картъ у старухи графини, и затѣмъ былъ своеобразно переосмысленъ и углубленъ Достоевскимъ въ „Преступленіи и Наказаніи“. Оставался еще путь медленнаго накопленія; онъ ставилъ передъ Достоевскимъ во всемъ объемѣ проблему скупости.

¹⁾ „Скупого Рыцаря“ всюду цитирую безъ указанія страницъ по изданію Брокгауза п. р. Венгерова, т. III (1909 г.), стр. 110—117.

²⁾ „Подростка“ здѣсь и дальше цитирую по „Полн. собр. худож. произв.“, изд. Госиздата, т. VIII, Пет. 1927. См. стр. 239.

³⁾ См. мою работу „Гоголь и Пушкинъ въ творчествѣ Достоевскаго“, Slavia, т. VIII, кн. 2.

3.

Въ „Петербургскихъ сновидѣнїяхъ въ стихахъ и прозѣ“ 1861 г., отражающихъ творческіе сны Достоевскаго перваго періода его литературной дѣятельности, есть исключительно цѣнный для насъ сюжетъ неосуществленнаго произведенїя о скупцѣ Соловьевѣ. Сюжетъ этотъ, осложненный образомъ „чиновника, возомнившаго себя Гарибальди“, легъ въ основу разсказа „Господинъ Прохарчинъ“.¹⁾

Подъ вліяніемъ случайной встрѣчи страннаго старика на Невскомѣ у Гостиного Двора въ мечтателѣ и фантастѣ, какимъ себя рисуетъ Достоевскій въ этомъ фельетонѣ, оживаетъ образъ отставнаго титулярнаго совѣтника Соловьева, надъ судьбой котораго онъ задумался послѣ прочтенїя о немъ газетной замѣтки. Соловьевъ умеръ „на ломотьяхъ, посреди отвратительной и грязной бѣдности“, оставивъ послѣ себя спрятанными 169.022 р. с. кредитными билетами и наличными деньгами. Какъ разъ, когда Достоевскій раздумывалъ объ этомъ происшествїи, онъ увидѣлъ странную фигуру какого-то старика. „Фигура, скользнувшая передо мною, была въ шинели на ватѣ, старой и изношенной, которая непремѣнно служила хозяину вмѣсто одѣяла ночью, что видно было даже съ перваго взгляда. Исковерканная шляпа съ обломанными полями сбивалась на затылокъ. Ключки сѣдыхъ волосъ выбивались изъ подъ нея и падали на воротникъ шинели. Старичекъ подпирался палкой. Онъ жевалъ губами и, глядя въ землю, торопился куда-то, вѣроятно, къ себѣ домой. Дворникъ, сгребавшій съ тротуара снѣгъ, нарочно подбросилъ прямо на его ногу цѣлую лопату; но старичекъ этого даже и не замѣтилъ. Поровнявшись со мной, онъ взглянулъ на меня и мигнулъ мнѣ глазомъ, умершимъ глазомъ, безъ свѣта и силы, точно предо мной приподняли вѣко у мертвеца, и я тотчасъ догадался, что это тотъ самый Гарпагонъ, который умеръ съ полмилліономъ на своихъ ветошкахъ и ходилъ въ Максимиліановскую лѣчебницу. И вотъ (у меня воображеніе быстрое) передо мною нарисовался вдругъ образъ, очень похожій на пушкинскаго скупого рыцаря. Мнѣ вдругъ показалось, что мой Соловьевъ лицо колоссальное.“²⁾

Не трудно замѣтить, что образъ Соловьева въ этомъ отрывкѣ носить столь намъ знакомыя черты гоголевскаго Акакія Акакіевича и Плюшкина. Но не случайно Достоевскій вспоминаетъ въ связи съ нимъ и пушкинскаго Скупого рыцаря, ибо въ своемъ объясненїи этого образа онъ прямо примыкаетъ къ пушкинскому истолкованію скупости-страсти. Гарпагонъ и Плюшкинъ отгѣсняются въ сознанїи Достоевскаго „колоссальнымъ“ образомъ Скупого рыцаря, которымъ овладѣла страсть утвержденїя своего могущества путемъ богатства.

Въ этомъ смыслѣ Достоевскій дальше и истолковываетъ образъ своего Соловьева. „Онъ ушелъ отъ свѣта и удалился отъ всѣхъ со-

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ упомянутой моей работѣ.

²⁾ „Петербургскія сновидѣнїя въ стихахъ и прозѣ“ здѣсь и дальше цитирую по „Полн. собр. соч.“, изд. „Просвѣщенїе“, т. XXII. См. стр. 187—188.

блзновъ его къ себѣ за ширмы. Что ему во всемъ этомъ пустомъ блескѣ, во всей этой нашей роскоши? Къ чему покой и комфортъ? Что ему за дѣло до этихъ лицъ, до этихъ лакеевъ, сидящихъ на каретахъ, до этихъ господъ и госпожъ, сидящихъ внутри каретъ, до этихъ господъ, бредущихъ пѣшкомъ, до этихъ очаровательныхъ молодыхъ людей, на лицахъ которыхъ написана ненасытная жажда камелій и рублей серебромъ?... Что ему за дѣло до этихъ камелій, Миннъ и Армансъ? Нѣтъ, ничего ему не надо, у него все это есть, — тамъ, подъ его подушкой, на которой наволочка еще съ прошлаго года. Пусть съ прошлаго года: онъ свистнетъ, и къ нему послушно приползетъ все, что ему надо. Онъ захочетъ, и многія лица осчастливятъ его внимательной улыбкой. Вотъ вино — оно бы согрѣло его кровь; оно бы помогло ему, и даже недорогое вино... Не надо ему никакого. Онъ выше всѣхъ желаній...¹⁾ Но тутъ Достоевскій вдругъ спохватывается и добавляетъ: „Но когда я фантазировалъ такимъ образомъ, мнѣ показалось, что я хватилъ не туда, что я обкрадываю Пушкина, и дѣло происходило совсѣмъ другимъ образомъ.“²⁾ Достоевскій былъ правъ — въ своемъ первомъ истолкованіи образа Соловьева онъ настолько приближался къ монологу Скупого рыцаря, что его можно было заподозрить въ „обкрадываніи“ Пушкина. Временами онъ доходилъ почти до буквального повторенія пушкинскихъ строкъ. „Онъ свистнетъ, и къ нему послушно приползетъ все, что ему надо“ до очевидности близко къ пушкинскому тексту:

„Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство...“

„Онъ выше всѣхъ желаній“ простое повтореніе знаменитаго мѣста монолога барона:

„Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...“

Ширма, за которую удалился Соловьевъ „отъ свѣта и всѣхъ его соблазновъ“, замѣнила собою погребъ барона, равно какъ подушка съ грязной наволокой заняла мѣсто баронскихъ сундуковъ.

Совершенно очевидно, что Достоевскій сознательно такъ вплотную подошелъ къ пушкинскому сюжету, чтобы этимъ рѣзче отдѣлать потомъ свое пониманіе скупости. Это свое пониманіе ведетъ насъ къ разказу „Господинъ Прохарчинъ“.

4.

Мнѣ придется сдѣлать небольшое отступленіе въ сторону отъ моей прямой темы для того, чтобы потомъ связь разказа „Господинъ Прохарчинъ“ съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“ стала яснѣе. Дѣло

¹⁾ Упом. изд., стр. 188—189.

²⁾ Т. ж., стр. 189. Подчеркнуто здѣсь и выше мною.

въ томъ, что изъ раннихъ произведеній Достоевскаго „Господинъ Прохарчинъ“ до сихъ поръ остается мало разъясненнымъ и понятнымъ въ общей системѣ творчества Достоевскаго. Недавняя попытка біографическаго истолкованія этой повѣсти, сдѣланная К. Истоминымъ въ его интересной работѣ „Изъ жизни и творчества Достоевскаго въ молодости“, хотя и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на обстановку зарожденія этого произведенія, но все же, оставаясь исключительно въ сферѣ объясненій характера психологическаго, не даетъ ключа къ разъясненію идейнаго замысла Достоевскаго.¹⁾

Въ литературѣ о Достоевскомъ считается утраченной незаконченная имъ „Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“, которую Достоевскій вмѣстѣ съ недошедшими „Сбритыми бакенбардами“ писалъ въ 1846 г. для предполагавшагося Бѣлинскимъ альманаха. Въ письмѣ отъ 1 апр. 1846 г. Достоевскій пишетъ брату Михаилу Михайловичу: Бѣлинскій „для поддержанія финансовъ издаетъ исполинской толщины альманахъ (въ 60 печат. листовъ). Я ему пишу двѣ повѣсти: 1-я) Сбритые бакенбарды, 2-я) Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ, обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ и — уже, отвѣчаю — сжатая до нельзя. Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ. Обѣ повѣсти небольшія. Кромѣ того, что нибудь Краевскому и [большой] романъ Некрасову. Все это займетъ меня годъ. Сбритые бакенбарды я кончаю.“²⁾

Надъ послѣднимъ произведеніемъ Достоевскій продолжалъ упорно работать и послѣ крушенія замысла Бѣлинскаго съ изданіемъ альманаха, предполагая помѣстить эту повѣсть либо въ „Современникъ“, либо въ „Отечественныхъ Запискахъ“.³⁾ Только осенью того же года онъ окончательно бросаетъ работу надъ этой повѣстью. „Я не пишу и Сбритыхъ Бакенбардъ“, пишетъ онъ въ октябрѣ того же года брату.⁴⁾ Весьма показательно, что, такъ часто возвращаясь въ письмахъ своихъ къ темѣ повѣсти „Сбритые бакенбарды“,⁵⁾ Достоевскій только единственный разъ упомянулъ о „Повѣсти объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“. Не объясняется ли это тѣмъ обстоятельствомъ, что сюжетъ этотъ онъ использовалъ для другого произведенія, обѣщаннаго Краевскому? Если внимательно вчитаться въ рассказъ „Господинъ

¹⁾ К. Истоминъ видитъ біографическую основу „Господина Прохарчина“ въ томъ состояніи душевной депрессіи, которая создалась у Достоевскаго подъ влияніемъ неудачи его „Двойника“. „Неподвижная идея“ Прохарчина и „сочувствователи“, которые продѣлываютъ разныя шуточки надъ своимъ соквартирантомъ, не понимая его болѣзни, — стыдливо-робкій отвѣтъ молодого автора на крылатыя слова своихъ бывшихъ литературныхъ друзей“, говоритъ К. Истоминъ. См. сборн. „Творческій путь Достоевскаго“ п. р. Н. Бродскаго, П. 1924, стр. 27.

²⁾ „Письма“ подъ ред. А. С. Долинина, Гос. Изд. Т. I (Пет. 1928), стр. 89. Въ дальнѣйшемъ всюду письма цитирую по этому изданію съ указаніемъ: Письма, т. I и стр. Подчеркнуто Достоевскимъ.

³⁾ См. письмо отъ 17 окт. 1846 г. Т. ж., стр. 99.

⁴⁾ Т. ж., стр. 100. Подч. Достоевскимъ.

⁵⁾ См. Письма, т. I, стр. 95, 98, 99, 100.

Прохарчинъ“, то не трудно убѣдиться, что слѣды неосуществленнаго сюжета „объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ“ въ немъ сохранились и играютъ существенную роль для пониманія „трагическаго“ конца этой повѣсти.

Но это требуетъ отъ насъ уясненія идейнаго содержанія „Господина Прохарчина“, во многомъ загадочнаго и неразъясненнаго.

Что приводитъ Прохарчина къ трагическому концу? Сжато смыслъ его трагедіи можно бы передать формулой: „трагедія совѣсти робкаго человека“. Достоевскій самъ не разъ на протяженіи своего повѣствованія пользуется указаніемъ, что г. Прохарчинъ „оробѣлъ“, и эта робость привела къ необычайному для него поступку — бѣгству изъ-за своей ширмы и столкновенію съ жизнью. А это, какъ извѣстно, и вызвало затѣмъ трагическія для него послѣдствія. Г. Прохарчинъ, прожившій тихо и скромно пятнадцать лѣтъ за ширмами у одной и той же хозяйки, обезпечившій себя отъ всякихъ превратностей судьбы скопленнымъ солиднымъ капиталомъ, который онъ хранилъ въ своемъ таинственномъ сундучкѣ, вдругъ „заболѣлся“ и „оробѣлъ“ подъ вліяніемъ разговоровъ новыхъ своихъ соквартирантовъ о неустойчивости человѣческаго благополучія. А все его благополучіе было связано съ узкимъ кругомъ его сферы дѣятельности, съ канцеляріей. И вотъ одна мысль, что „начальство“ можетъ оказаться имъ недовольнымъ, одна эта мысль приводитъ его къ роковому шагу. „Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фантастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда, въ одно прекрасное утро, пронесся по канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ коридорѣ, былъ такъ чудень и странень, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ, наконецъ, до него самого. Услышавъ о немъ, онъ немедленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣлъ, вышелъ — и исчезъ на неопредѣленное время. Оробѣлъ-ли онъ, влекло-ль его что другое — не знаемъ, но ни дома, ни въ канцеляріи на время его не нашлось...“¹⁾ И тутъ въ бредовыя фантазіи г. Прохарчина вплетаются отрывки идей, лежавшихъ въ основѣ повѣсти „объ утраченныхъ канцеляріяхъ“. Среди давившихъ сознаніе больного Прохарчина образовъ несчастій, готовыхъ свалиться на его побѣдную головушку, центральное мѣсто занимаетъ страхъ „закрытія канцеляріи“. Этотъ образъ стоитъ въ тѣсной связи съ идеей „своего мѣста“, которая играла такую роль въ путанномъ воображеніи г. Голядкина.²⁾ Въ спорѣ Марка Ивановича съ Прохарчинымъ, гдѣ первый беретъ подъ сомнѣнье даже право г. Прохарчина на боязнь, имѣется слѣдующее важное для насъ мѣсто:

¹⁾ Полн. собр. худ. произв. Гос. изд. Пет. 1926, т. I, стр. 255.

²⁾ См. объ этомъ въ упом. моей работѣ, ч. I: „Носъ“ и „Двойникъ“, журн. „Slavia“, т. VII, кн. I.

— „Ты, ты, ты глупъ! — бормоталь Семень Ивановичъ: — носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...¹⁾

— Каблукъ, пусть каблукъ, — кричалъ Маркъ Ивановичъ, не вслушавшись:²⁾ — каблукъ я человекъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзамень держать, не жениться, не танцамъ учиться; подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Что, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится, что ли?

— А что? тебя что ли спросятъ? Закроютъ, и нѣтъ.

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь то же пьянчужка, а вы да я человекъ!

— Ну, человекъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

— Да она, канцелярія... кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человекъ! да вѣдь она нужна, канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣзавтра какъ-нибудь тамъ и не нужна. Вотъ, слышалъ исторію...³⁾

И вотъ эта недосказанная исторія и есть недошедшая до насъ повѣсть объ „уничтоженныхъ канцеляріяхъ“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и дальше въ репликахъ Семена Ивановича „уничтоженное мѣсто“ снова всплываетъ: „... А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно мѣсто такое есть, что возыметъ да и уничтожается мѣсто. И Демидъ, слышь ты, Демидъ Васильевичъ говорить, что уничтожается мѣсто...“⁴⁾

Но въ трагическомъ концѣ Прохарчина играетъ роль не только гнѣть боязни за свое существованіе, подверженное—вопреки двадцатилѣтнему упорному копленію денегъ и отказу себѣ во всемъ—всякимъ случайностямъ, но и пробужденіе въ немъ при непосредственномъ столкновеніи съ подлинной жизнью чувства своей виноватости и отвѣтственности за чужое подлинное человеческое горе и страданія.

5.

Уже въ навязчивыхъ идеяхъ г. Голядкина чувство свой виновности и мотивы проснувшейся совѣсти играютъ довольно значительную, хотя и внѣшне мало выявленную роль. Въ бредовыхъ фантазіяхъ Прохарчина эти мотивы занимаютъ уже преобладающее мѣсто. Среди образовъ, преслѣдующихъ его въ болѣзненномъ бреду, выдѣляется „лысый человекъ“, у котораго на рукахъ семеро дѣтей малъ мала меньше. Онъ стоитъ на лѣстницѣ, считаетъ свои рубли, полученные по службѣ,

¹⁾ Въ этихъ словахъ г. Прохарчина содержится осколокъ сюжета гоголевскаго „Носа“.

²⁾ Ослышка Марка Ивановича построена на игрѣ риемой: „ты, ты глупъ“—„каблукъ“.

³⁾ Упом. изд., стр. 265.

⁴⁾ Т. ж., стр., 266. Подчеркнуто здѣсь и выше мною.

и, потряхнувъ головою, говоритъ г. Прохарчину: „денежки-съ!“ „Ихъ не будетъ и каши не будетъ-съ“, сурово прибавляетъ онъ, сходя съ лѣстницы, и уже на крыльцѣ заключаетъ: „а у меня, сударь, семеро-съ“. Тутъ пока еще бредъ г. Прохарчина связанъ съ навязчивой идеей крушенія своего благополучія, но дальше онъ вдругъ начинаетъ чувствовать свою виновность за тяжелую жизнь „лысаго человѣчка“. Послѣдній „съ негодованіемъ взглянувъ на Семена Ивановича, какъ будто-бы именно господинъ Прохарчинъ виноватъ былъ въ томъ, что у него цѣлыхъ семеро, нахлобучилъ на глаза свою шляпенку, тряхнулъ шинелью, поворотилъ налѣво и скрылся. Семень Ивановичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ въ невинности своей насчетъ непріятнаго стеченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто-бы именно такъ выходило, что виноватъ никто другой, какъ Семень Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялся бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догоняетъ его и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ-бы то ни было золовокъ къ Семену Ивановичу. Господинъ Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался...“¹⁾ Еще цѣлый рядъ навязчивыхъ образовъ преслѣдуетъ г. Прохарчина. „Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинаетъ нападать ужасъ; ибо видѣлъ ясно, что все это какъ будто не просто теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ же недалеко отъ него взмогилъ на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, ничѣмъ неподпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой, и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла — густѣла, мужикъ кричалъ, и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ — тотъ самый извозчикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользнувъ отъ него до расплаты въ сквозныя ворота и подбирая подъ себя на-бѣгу свои пятки такъ, какъ будто-бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давить, душить. Онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и — проснулся.“²⁾

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бредовое сознаніе Прохарчина заполнено образами прошлаго, и что это прошлое гнететъ его. Проснувшаяся совѣсть вызвала въ его памяти образъ жертвы его „безчеловѣчнаго“ обмана и потянула за собою цѣлую вереницу другихъ образовъ. Теперь, подъ вліяніемъ ужаса передъ шаткостью и невѣрностью человѣческой судьбы, у него открылись глаза, и онъ увидѣлъ

¹⁾ Упом. изд., стр. 259—260.

²⁾ Т. ж., стр. 261. Проф. И. И. Лапшинъ въ преніяхъ по моему докладу на настоящую тему въ Семинаріи по изученію Достоевскаго при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ высказалъ предположеніе о возможномъ вліяніи сна пушкинскаго Гробовщика на содержаніе бреда Прохарчина.

жизнь — въ ея неприкрашенной дѣйствительности. Это былъ одновременно и бунтъ бѣдняка, недаромъ товарищъ его походненій „пьянчужка“ Зимовейкинъ призываетъ его „смириться“, и метанія осознавшего свою вину человѣка. Обманутый имъ пять лѣтъ назадъ извозчикъ сталъ во главѣ взбунтовавшихся призраковъ прошлаго.

Но объ этомъ прошломъ г. Прохарчина намъ почти ничего не извѣстно. О немъ мы можемъ лишь догадываться на основаніи второго истолкованія Достоевскимъ исторіи Соловьева, которое онъ далъ намъ, стараясь преодолѣть вліяніе образа пушкинскаго Скупого рыцаря. Вотъ какъ изложена эта вторая, анти-пушкинская версія „скупого чиновника“.

„Нѣтъ, это было вѣрно не такъ“, — пишетъ Достоевскій, мѣняя свой сюжетъ, боясь „обокрасть“ Пушкина. „Лѣтъ шестьдесятъ назадъ Соловьевъ вѣрно гдѣ-нибудь служилъ; былъ молодецъ, юнъ, лѣтъ двадцати. Можетъ быть и онъ тоже имѣлъ увлеченія, развѣзжалъ на извозчикахъ, зналъ какую-нибудь Лизу и ходилъ въ театръ смотрѣть „Жизнь игрока“. Но вдругъ съ нимъ что-нибудь случилось такое, какъ-будто подталкивающее подъ локоть, — одно изъ тѣхъ происшествій, которыя въ одинъ мигъ измѣняютъ всего человѣка, такъ что онъ даже самъ того не замѣтитъ. Можетъ-быть съ нимъ была какая-нибудь минута, когда онъ вдругъ какъ-будто во что-то прозрѣлъ и заробѣлъ передъ чѣмъ-то. И вотъ, Акакій Акакіевичъ копить гроши на куницу, а онъ откладываетъ изъ жалованья и копить, копить на черныи день, неизвѣстно на что, но только не на куницу. Онъ иногда и дрожитъ, и боится, и закутывается воротникомъ шинели, когда идетъ по улицамъ, чтобъ не испугаться кого-нибудь, и вообще смотритъ такъ, какъ-будто его сейчасъ распекли. Проходятъ годы, и вотъ онъ пускаетъ съ успѣхомъ гроши свои въ ростъ, по мелочамъ, чиновникамъ и кухаркамъ, подъ вѣрнѣйшіе заклады. Копится сумма, а онъ робѣетъ и робѣетъ все больше и больше. Проходятъ десятки лѣтъ. У него уже таятъ заклады тысячные и десятитысячные. Онъ молчитъ и копить, все копить. И сладостно, и страшно ему, и страхъ все больше и больше томить его сердце, до того, что онъ вдругъ осуществляетъ свои капиталы и скрывается въ какой-то бѣдный уголь. Онъ держалъ было у себя, въ заплѣсневѣлой квартирѣ своей, со стѣнами подъ желтой краской, кухарку и кошку; кухарка была глупа, но честная отъ глупости. А онъ все бранилъ и корилъ; ѣлъ картофель, пилъ цикорій и поилъ имъ и кухарку, безотвѣтную и послушную. Мясо покупалъ онъ только для кошки, въ мѣсяцъ по фунту, и она отъ этого страшно мяукала, и когда мяукала и жалобно смотрѣла въ его глаза, прося говядинки, и терлась около него, поднимая хвостъ строкою, онъ гладилъ ее, называлъ ее Машей, а говядинки все-таки не давалъ... Но околѣла кошка, за кухаркой прислалъ мужъ изъ деревни... Старичекъ остался одинъ, осмотрѣлся, пожевалъ губами и продалъ за два гроша на толкучій свои три провалившіеся стула, ломберный столъ, съ котораго онъ уже давно придумалъ содрать сукно, чтобъ употребить его на внутреннюю подкладку халата, но не употребилъ, а пожевавъ губами, бережно сложилъ и спряталъ въ свой уголь.

Продать онъ и часы и отправился проживать по угламъ. По угламъ, за ширмами онъ спалъ, ѣлъ картофель, уменьшая каждый день его количество, трепеталъ и боялся, не доплачивалъ денегъ и, не заплативъ, переѣзжалъ въ другіе углы, чтобъ не заплатить потомъ и тамъ.“¹⁾

Такъ, отступая въ деталяхъ, исторія Соловьева непосредственно примыкаетъ къ повѣсти „Господинъ Прохарчинъ“, давая ключъ къ пониманію ея идейно-художественнаго смысла. Но мы не должны забывать, что вторая версія исторіи Соловьева создавалась Достоевскимъ въ желаніи дать свое, отличное отъ Пушкина, истолкованіе скупости-страсти. И вся оригинальность этого истолкованія лежитъ въ томъ, что „скупой чиновникъ“ въ отличіе отъ „скупого рыцаря“ не жаждетъ утвержденія своего могущества, а боится потерять и то скромное мѣсто подъ луной, которое ему дано превратной судьбой. Не „рыцарское“ чувство чести, пусть исковерканное и искаженное скупостью, а неотступная боязнь невѣрности и тщеты человѣческаго существованія легли въ основаніе трагедіи скупости у Достоевскаго.

Но Достоевскому все-же, какъ онъ ни стремился къ этому, не удалось вполне отойти отъ пушкинскаго „Скупого Рыцаря“ и въ этомъ, второмъ своемъ истолкованіи исторіи Соловьева. Преодолевъ такъ оригинально основную идею Пушкина, онъ невольно выдвинулъ впередъ побочные мотивы его драмы.

Уже въ описаніи чувства скупца Достоевскій почти текстуально совпадаетъ съ Пушкинымъ. „Онъ молчитъ и копить, все копить“, — говоритъ Достоевскій о Соловьевѣ. „И сладко, и страшно ему, и страхъ все больше и больше томить его сердце, до того, что онъ вдругъ осуществляетъ свои капиталы и скрывается въ какой-то бѣдный уголь“.²⁾ Это же двойное чувство страха и пріятности испытываетъ и баронъ передъ своими сундуками :

„Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ...“

Мысль о невѣрности достигнутаго благополучія, сыгравшая такую роковую роль для г. Прохарчина, дана уже у Пушкина. Она ярко выражена въ той части монолога, гдѣ баронъ думаетъ о судьбѣ выстрадавшаго имъ богатства. Непрочна его „держава“ :

„... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ.
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,

¹⁾ „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“, упом. изд., стр. 189—190.

²⁾ Уп. изд., стр. 189—190. Подч. мною.

Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ,
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы...“

Такъ омрачено горделивое сознание скупого рыцаря въ ожидании неизбывнаго крушенія своего выстраданнаго богатства.

Страхами за судьбу своихъ капиталовъ полна и душа г. Прохарчина. У него „былъ одинъ сундучекъ. Сундукъ этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зѣница ока“... Его соквартиранты слышали разъ, „какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкомъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенный нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайной пружиной“.¹⁾ Хотя этотъ нѣмецкій замокъ и былъ приобрѣтенъ, но содержимое сундука, очевидно, перешло для вящей безопасности въ тюфякъ. И въ запутанномъ спорѣ своемъ съ Маркомъ Ивановичемъ Прохарчинъ выдвигаетъ однимъ изъ доводовъ невѣрности человѣческаго благополучія мотивъ воровства: „воры придутъ, деньги возьмутъ“.²⁾ Безсмысленно кончаются жертвы Соловьева: „Для чего ему была жизнь? И предчувствовалъ ли онъ, что всѣ его полмилліона поступать на храненіе въ управу благочинія?“³⁾ безсмысленно погибли и усилія-жертвы г. Прохарчина. То, чего такъ опасался Скупой рыцарь, на яву пережилъ скупой чиновникъ. „Ключъ отъ сундука“ былъ преступной рукой пьянчужки Зимовейкина вытащенъ изъ кармана на-смерть испуганнаго Прохарчина, и его угасавшіе взоры были свидѣтелями того, какъ воры добрались до его сокровенныхъ денегъ.

Въ связи съ переосмысленіемъ трагедіи скупости, у Достоевскаго на первый планъ оказался выдвинутымъ побочный мотивъ пушкинской драмы. Мотивъ этотъ — муки совѣсти. Не прошли безслѣдно для Достоевскаго исключительныя по силѣ выразительности строки монолога барона:

„ совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...“

Г. Прохарчину, заболѣвшему такъ неожиданно болѣзнью совѣсти, могилы выслали своихъ мертвецовъ. И то, что баронъ только съ чувствомъ своеобразнаго наслажденія припоминалъ, перебирая свои сокровища, превращается въ бреду Прохарчина въ страшные мстительные образы. И лысый человѣчекъ съ семью дѣтьми, и старикъ съ геморроидальнымъ лицомъ, и баба съ костылемъ и, наконецъ, обманутый

¹⁾ Уп. изд., стр. 252.
²⁾ Т. ж., стр. 266.
³⁾ Уп. изд., стр. 191.

имъ мужикъ-извозчикъ— всѣ они возстали противъ несчастнаго г. Прохарчина. Въ своеобразномъ преломленіи осуществляютъ слова Скупого рыцаря :

, Да, если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бѣ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ“...

Г. Прохарчинъ не выдержалъ двойнаго испытанія, обрушившагося на его слабую голову: страха за свое существованіе и проснувашагося сознанія своей виновности. Онъ оказался при этомъ безъ вины виноватъ, ибо его преступленія были всѣ вродѣ обмана мужика-извозчика. Но эти преступленія выросли въ его сознаніи до огромныхъ размѣровъ, сдѣлавъ его виноватымъ за всѣ страданія униженныхъ и оскорбленныхъ. Не потому ли, что онъ прошелъ мимо чужаго страданія, спасаясь своею скупостью отъ возможнаго крушенія своего личнаго благополучія? Не потому ли, что въ отъединеніи человѣка отъ „живой жизни“ со всѣми ея горестями и печалями уже скрыто преступленіе?

Достоевскій въ своихъ размышленіяхъ надъ скупостью подъ вліяніемъ „Скупого Рыцаря“ Пушкина далъ свое истолкованіе трагедіи скупого-чиновника, связавъ это истолкованіе съ кругомъ собственныхъ идей, еще только складывавшихся въ его художественномъ сознаніи. При этомъ онъ не могъ все же, какъ мы старались это показать, вполне освободиться отъ воздѣйствія на своего „Господина Прохарчина“ пушкинскихъ образовъ.

7.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Достоевскій съ особенной углубленностью вдумывается въ Пушкина. Его публицистическая и критическая дѣятельность заставляетъ его то и дѣло обращаться къ вопросу о значеніи Пушкина въ русской литературѣ и давать свою оцѣнку его творчеству.

Уже въ 1861 г. Достоевскій съ большой четкостью формулируетъ основныя положенія своей будущей пушкинской рѣчи. Въ анонимной статьѣ 1861 г. „Свистокъ“ и „Русскій Вѣстникъ“, напечатанной въ VI кн. „Времени“, Достоевскій пишетъ: „...Вы спрашиваете: „что такое русская литература?“ и отвѣчаетъ: „Она началась самостоятельно съ Пушкина. Возьмите только одно въ Пушкинѣ, только одну его особенность, не говоря о другихъ: способность всемірности, всечеловѣчности, всеотклика. Онъ усваиваетъ всѣ литературы міра, онъ понимаетъ всякую изъ нихъ до того, что отражаетъ ее въ своей поэзіи, но такъ, что самый духъ, самыя сокровеннѣйшія тайны чужихъ особенностей переходятъ въ его поэзію, какъ бы онъ самъ былъ англичанинъ, испанецъ, мусульманинъ или гражданинъ древняго міра. Подражатель, — скажутъ намъ, — отсутствіе собственной мысли. Но вѣдь такъ не подражаютъ. Онъ является вездѣ en maître, такъ подражать, значить творить самому, не подражать,

а продолжать. Неужели такое явление кажется вамъ несамостоятельнымъ, ничтожнымъ, ничѣмъ? Въ какой литературѣ, начиная съ созданія міра, найдете вы такую особенность всепониманія, такое свидѣтельство о всечеловѣчности и, главное, въ такой высочайшей художественной формѣ? Это то и есть, можетъ быть, главнѣйшая особенность русской мысли; она есть и въ другихъ народностяхъ, но въ высочайшей степени выражается только въ русской, и въ Пушкинѣ она выразилась слишкомъ законченно, слишкомъ цѣльно, чтобъ ей не повѣрить.“¹⁾ Пушкинскому дару перевоплощенія отдаетъ Достоевскій дань восторга и въ своей замѣчательной оцѣнкѣ „Египетскихъ Ночей“ Пушкина, этого „самаго полнаго, самаго законченнаго произведенія нашей поэзіи“.²⁾ Отраженіе этой высокой оцѣнки попадаетъ позже (1863 г.) и на страницы „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ въ слѣдующихъ словахъ о Пушкинѣ: „А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ“.³⁾

Воскрешая въ своей памяти образы, въ которыхъ такъ гениально сказался этотъ даръ перевоплощенія Пушкина, Достоевскій, конечно, вспоминать и „Скупого Рыцаря“. Въ 1863 г., когда набрасывались первыя записи „на клочкахъ бумаги“ плана „Игрока“, Достоевскій пишетъ Н. Н. Страхову, характеризуя героя этого произведенія: „онъ, — игрокъ, и не простой игрокъ, также какъ скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ“.⁴⁾

Возможно, что слова Альбера :

„... пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ“...

своеобразно преломились въ творческомъ сознаніи Достоевскаго, когда онъ обдумывалъ и писалъ свои замѣчательныя „Записки изъ подполья“ (1864 г.). За это говоритъ отчасти тематическая близость этого произведенія съ „Подросткомъ“, больше всего связаннымъ со „Скупымъ Рыцаремъ“. Но это, конечно, догадка, для доказательства которой мы не обладаемъ пока достаточнымъ объективнымъ матеріаломъ. Когда позже, въ 1865—66 гг. Достоевскій снова вернулся къ своему „Игроку“,

¹⁾ Полн. собр. соч., изд. „Просвѣщеніе“, т. XXIII, стр. 96. См. также „Введеніе къ „Ряду статей о русской литературѣ“ („Время“, янв. 1861 г.): „Мы поняли въ немъ (Пушкинѣ), что русскій идеалъ — всецѣлость, всепримиримость, всечеловѣчность“ — Полн. собр. соч., изд. Маркса, 1895 г., т. IX, ч. I, стр. 42.

²⁾ „Отвѣтъ „Русскому Вѣстнику“. — „Время“, 1861, кн. V. Полн. собр. соч., изд. „Просв.“, т. XXIII, стр. 62.

³⁾ Изд. Ладыжникова, Берл. 1922, стр. 356.

⁴⁾ Письмо отъ 18/30 сент. 1863 г. изъ Рима. Письма, т. I, стр. 333. Подчерк. мною.

то обстоятельства личного характера должны были особенно остро выдвинуть въ его сознаниі проблему денегъ и вопросъ о путяхъ обогащенія.¹⁾ Достоевскій какъ бы поставилъ своей задачей показать, что и игроку, „который гремитъ костью да груды заграбаетъ“, тоже не даромъ достается его богатство. Впрочемъ, и въ этомъ онъ шель по пути, уже проложенному Пушкинымъ въ „Пиковой Дамѣ“.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, во время работы надъ планомъ „Житія великаго грѣшника“ (1869—70 г.), у Достоевскаго окончательно со-зрѣваетъ мысль положить во главу угла своего романа идею, самымъ тѣснымъ образомъ связанную съ тѣмъ же „Скупымъ Рыцаремъ“ Пушкина. Я имѣю въ виду и идею могущества, утверждаемаго путемъ богатства. На этотъ разъ, снова вплотную приближаясь къ главной мысли пушкинской драмы, Достоевскій дѣлаетъ жертвой этой навязчивой идеи представителя молодого поколѣнія. Позже онъ используетъ это новое положеніе еще оригинальнѣе, заставивъ отца и сына перемѣниться, по сравненію съ сюжетомъ Пушкина, ролями. Это приведетъ къ антитезѣ: Версильовъ — расточитель и молодой Долгоруковъ — идейный стяжатель. Въ „Житіи великаго грѣшника“, хотя и имѣется уже намекъ на сюжетное противопоставленіе отца и сына, все же на первомъ планѣ остается единственный герой „житія“, съ рано созрѣвшей идеей всемогущества денегъ.

Первыя слова, которыми начинается планъ этого ненаписаннаго романа, связаны съ этой мыслью. „Накопленіе богатства“ стоитъ ниже даты: 28/8 декабря (1869 г.) и заглавія „Житіе великаго грѣшника“.²⁾ И дальше, черезъ всю рукопись проходитъ все тотъ же мотивъ: „воспитаніе себя мученіями и накопленіе денегъ“, „...увѣренъ, что все само придетъ, деньги разрѣшатъ всѣ вопросы“, „ни одна мечта о томъ: чѣмъ быть и къ чему онъ призванъ, не мѣшала накопленію богатствъ“, „...но сомнѣніе разрѣшаетъ всегда исходъ денегъ и накопленія богатствъ“, „деньги положили наживать честнымъ путемъ“, „...потому не надо не честно, что дѣйствуя и честно онъ еще даже лучше наживетъ деньги, потому что богатымъ всѣ льготы на всякое зло и безъ того даны“, „первая организовавшаяся мечта о значеніи денегъ“, „...онъ шель къ хроменькой и говорилъ ей то-то. Объ томъ, чѣмъ онъ будетъ, и о деньгахъ. Билъ ее за то, что не нарастали деньги“, „началь собирать деньги. Копить (сообщаетъ Хроменькой)“, „Опять таки деньги кажутся ему во всякомъ случаѣ не лишними, вездѣ пригодною силою и онъ останавливается на нихъ“, „...То опять, кажется ему, что если онъ и не будетъ необыкновеннымъ,

¹⁾ Объ отраженіяхъ личныхъ мотивовъ въ „Игрокѣ“ см. мою статью: „Игрокъ“ Достоевскаго (Въ свѣтъ новыхъ біографическихъ данныхъ) въ „Совр. Запискахъ“ 1925 г., кн. XXIV, стр. 379—392 и А. С. Долининъ „Достоевскій и Суслова“ въ сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина, изд. „Мысль“. П. 1925, стр. 153—283.

²⁾ Планъ романа „Житіе великаго грѣшника“ цитирую по кн. „Документы по исторіи литературы и общественности“. Выпускъ первый. Ф. М. Достоевскій. М., изд. Центръархива. 1922. См. стр. 63. Подч. мною.

а самый обыкновенный, то деньги дадутъ ему все, — т. е. власть и право презрѣнія“...¹⁾)

Что идея накопленія, какъ самый надежный путь къ власти, должна была занимать весьма существенное мѣсто въ „Житіи великаго грѣшника“, видно изъ слѣдующаго, особо выдѣленнаго въ рукописи мѣста: „Главное Нота bene: Деньги онъ сталъ собирать съ идеи неясной, но идея эта все утверждалась и доказывалась ему дальнѣйшимъ ходомъ дѣла...“ И другая запись, чрезвычайно существенная, свидѣтельствуешь о томъ же: „... хотя деньги и страшно его устанавливаютъ на извѣстной твердой точкѣ и рѣшаютъ всѣ вопросы, но иногда точка колеблется (поэзія и много другого) и онъ не можетъ найти выхода. Это то состояніе к о л е б а н і я и составляетъ романъ“.²⁾)

Въ чемъ должна была заключаться идея самого романа, не трудно себѣ представить даже по отрывочнымъ записямъ сохранившагося плана. Въ героѣ-ребенкѣ „Житія“ необычайно развито властолюбіе: „Огромный замыселъ владычества“, „мечты о власти и непомерной высоты“—такими чертами Достоевскій награждаетъ своего героя. Путь къ достиженію могущества ведетъ черезъ самозакаленіе воли и самоотреченіе. „Усиленіе воли и внутренней силы“ предписываетъ онъ себѣ; „сила воли — главное себѣ поставилъ“, онъ „испытываетъ себя“ постоянно, „воспитываетъ себя мученіями“, отказываетъ себѣ во всемъ, даже, когда „укусили страсти“, рѣшаетъ и съ этимъ подождать: „Сладострастіе (хочетъ на этомъ ждать до денегъ)“. Онъ рано убѣждается, что самый вѣрный путь къ власти и могуществу — деньги: „... у меня будетъ оружіе деньги, такъ что они волей-неволей и хочешь не хочешь подойдутъ всѣ ко мнѣ и преклонятся“. Ему важно прежде всего не осуществленіе своей власти, а сознаніе своей мощи: „чтобъ всѣ поклонились, а я прощу“.

Врядъ ли надо доказывать, что намѣченная въ этихъ записяхъ психологія страсти накопленія во многомъ близка психологіи скупости, какъ она выражена у Пушкина. Я не буду сейчасъ дѣлать отдѣльныхъ сопоставленій, такъ какъ ихъ лучше отложить до разбора „Подростка“, гдѣ Достоевскій въ развернутомъ видѣ ставитъ проблему идейнаго накопленія. Здѣсь, въ заключеніе, хотѣлъ бы только указать, что врядъ ли случайно въ рукописи „Житія“ имѣются строки: „Онъ сильно развитъ и много кой-чего знаетъ. Гоголя знаетъ и Пушкина“.³⁾) При напряженномъ вниманіи къ идеѣ накопленія какъ разъ Гоголь со своимъ Плюшкинымъ и Пушкинъ съ Скупымъ Рыцаремъ должны были питать воображеніе героя „Житія“. Не является ли косвеннымъ указаніемъ на эту связь „Житія“ со „Скупымъ Рыцаремъ“ и первоначальное наименованіе будущаго Lambert'a—Albert'омъ, а „Французъ Пуго“

¹⁾ Т. ж., въ порядкѣ цитирования: стр. 64, 66 (три раза), 67 (два раза), 68, 70, 73, 74 (два раза). Подчеркн. Достоевскимъ.

²⁾ Т. ж., стр. 72 и 66—67. Подчеркн. Достоевскимъ.

³⁾ Т. ж., стр. 71. Подчеркн. мною.

и Шиб о рукописи „Житія“ въ такомъ случаѣ не далекіе-ли отголоски лѣтнихъ, плута „Тиб о“ изъ монолога барона? ¹⁾

Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ очень сильно владѣлъ сознаниемъ Достоевскаго во время работы надъ планомъ „Житія“. „Одинъ Пушкинъ настоящей русской“ — влагаетъ онъ въ уста Тихона Задонскаго, въ монастырь къ которому попадаетъ мальчикъ. Въ этотъ монастырь собирался Достоевскій привести и самого Пушкина, какъ видно изъ письма къ А. Н. Майкову отъ 25 марта (6 апр.) 1870 г. съ изложеніемъ плана 2-й части романа. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ: „13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовного преступленія, развѣтанный и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волченочъ и нигилистъ — ребенокъ сходитъ съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и лицо Тихона). Тутъ же въ монастырь посажу Чаадаева (конечно подъ другимъ тоже именемъ)... Къ Чаадаеву могутъ прѣхать въ гости и другіе, Бѣлинскій на примѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже“ ²⁾ Такъ подъ знакомъ постоянного обращенія къ Пушкину писался Достоевскимъ планъ романа, которому онъ придавалъ такое рѣшающее значеніе для всей своей литературной дѣятельности.

8.

„Рукописный конспектъ, Житія великаго грѣшника“, затѣмъ черновые наброски рукописи романа „Подростокъ“ и наконецъ законченный текстъ этого романа, при сопоставленіи, оказываются тремя фазами одинаго генетическаго процесса: замысль „Житія“ и первоначальный замысль „Подростка“ совпадаютъ“, говоритъ В. Комаровичъ, спеціально занимавшійся вопросомъ о связи этихъ двухъ произведеній Достоевскаго. ³⁾ Эта несомнѣнная связь обоихъ замысловъ рѣзче всего сказывается въ перенесеніи изъ „Житія великаго грѣшника“ въ романъ „Подростокъ“ идеи накопленія. Прямое же указаніе Достоевскаго въ „Подросткѣ“ на связь этой идеи съ образомъ „Скупого Рыцаря“ заднимъ числомъ подтверждаетъ наше положеніе о связи замысла „Житія“ съ драмой Пушкина.

Переходя къ „Подростку“, приходится прежде всего признать, что по отношенію къ этому произведенію можетъ быть было бы достаточно простою указанія на связь „идеи“ его героя съ монологомъ Ску-

¹⁾ Т. ж. стр. 63.

²⁾ „Биографія, письма и замѣтки изъ Записной книжки Достоевскаго“. Спб. 1883, отд. II, стр. 233. Подчеркн. мною.

³⁾ В. Комаровичъ. Достоевскій. Современныя проблемы историко-литературнаго изученія. П., изд. „Образованіе“ 1925 г., стр. 58. См. также работы того же автора: „Ненаписанная поэма Достоевскаго“ (сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина. I, 1922 г., стр. 177—207), „Генезисъ романа „Подростокъ“ (Литер. Мысль, III, стр. 366—386), „Романъ „Подростокъ“, какъ художественное единство“ (сборн. „Достоевскій“ п. р. Долинина. II, 1925 г., стр. 31—68).

пого рыцаря. Вѣдь уже самъ Достоевскій открыто призналъ въ самомъ романѣ эту зависимость. Въ литературѣ о Достоевскомъ утвердилось безоговорочно это мнѣніе. А. Долининъ въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Достоевскаго такъ и говоритъ: „идея ‚Скупого Рыцаря‘ стала идеей ‚Подростка‘“.¹⁾ Но мы не склонны такъ безоговорочно принимать усвоеніе Достоевскимъ чужихъ идей, будь то даже и Пушкина.

Мы уже видѣли, какъ Достоевскій въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности пытался преодолѣть пушкинскую идею скупости и дать ей свое истолкованіе. Въ „Господинъ Прохарчинъ“ это стремленіе увѣнчалось если не вполнѣ художественнымъ, то во всякомъ случаѣ идейнымъ успѣхомъ. Вернувшись въ 60-хъ годахъ снова къ идеѣ „Скупого Рыцаря“, Достоевскій какъ-будто становится менѣе оригинальнымъ въ разработкѣ проблемы скупости, подпадая снова вліянію Пушкина. Но мы попытаемся показать, что эта близость весьма и весьма условная, что по существу Достоевскій даетъ дальнѣйшее углубленіе этой темы въ своемъ „Подросткѣ“.

Исходнымъ пунктомъ своихъ размышленій о страсти накопленія Достоевскій снова беретъ газетныя сообщенія о нищихъ-богачахъ. Здѣсь онъ какъ бы возвращается къ начальному періоду своего творчества: вѣдь такъ зародились его образы Соловьева-Прохарчина. „Нѣсколько лѣтъ назадъ, я прочелъ въ газетахъ, что на Волгѣ, на одномъ изъ пароходовъ,— говоритъ Подростокъ,— умеръ одинъ нищій, ходившій въ отрепѣ, просившій милостыню, всѣмъ тамъ извѣстный. У него, по смерти его, нашли зашитыми въ его рубищѣ до трехъ тысячъ кредитными билетами. На дняхъ, я опять читалъ про одного нищаго, изъ благородныхъ, ходившаго по трактирамъ и протягивавшаго тамъ руку. Его арестовали и нашли при немъ до пяти тысячъ рублей.“²⁾ Свое пониманіе страсти накопленія онъ тщательно отгораживаетъ отъ навязчивыхъ литературныхъ образовъ Мольера и Гоголя. „... Это были лишь Гарпагоны или Плюшкины въ чистѣйшемъ ихъ видѣ, не болѣе“, говоритъ онъ объ этихъ нищихъ-богачахъ.³⁾ Напомню, что и нищаго Соловьева Достоевскій называлъ „новымъ Гарпагономъ“ и „новымъ Плюшкинымъ“, когда передавалъ газетное сообщеніе о нищемъ, умершемъ на „грудахъ золота“.⁴⁾

Самъ Достоевскій излагаетъ „идею“ Подростка „стать Ротшильдъ“ въ двухъ послѣдовательныхъ фазахъ: сперва онъ объясняетъ, „какъ“ можетъ быть обезпечено достиженіе богатства, затѣмъ — „зачѣмъ“, „какая цѣль“ въ этомъ богатствѣ. Подобно Скупому Рыцарю, онъ убѣжденъ, что количество и время для успѣха не играютъ роли: главное — упорство и непрерывность. Скупой Рыцарь, всыпая „горсть золота накопленнаго“ въ шестой еще неполный сундукъ, говоритъ:

¹⁾ Письма, Гос. изд. 1928 г., т. I, стр. 468.

²⁾ Упом. изд., стр. 67.

³⁾ Т. ж., стр. 68.

⁴⁾ Упом. изд., стр. 186.

„Немного кажется, но понемногу
Сокровища растут...“

и далѣе рисуеъ себѣ величественный образъ холма, съ высоты котораго онъ будетъ взирать на свою державу; сознательный стяжатель — Подростокъ убѣжденъ, что „упорство въ накопленіи, даже копѣечными суммами, въ послѣдствіи даетъ громадныя результаты (время тутъ ничего не значитъ)“, и что „самая нехитрая форма наживанія, но лишь непрерывная—обезпечена въ успѣхѣ математически“.¹⁾ При нищенствѣ, какъ пути къ накопленію, нужна сила воли, нужны самоотреченіе и выдержка, но „на свѣтѣ силы многообразныя, силы воли и хотѣнія, особенно. Есть температура кипѣнія воды и есть температура краснаго каленія желѣза“, многозначительно добавляетъ Подростокъ.²⁾ Вотъ это то „чувство-идея“, овладѣвшая всѣмъ существомъ человѣка, и сближаетъ оба образа: идейнаго стяжателя и Скупого Рыцаря. Нельзя не отмѣтить, что для формулировки своей „идеи“ Подростокъ кое-что заимствовалъ и у Германа изъ „Пиковой Дамы“. Основное правило Германа „не жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее“ напоминаетъ „главное правило“ идейнаго стяжателя „не рисковать ничѣмъ“ и умѣтъ „предпочестъ вѣрныя деньги большимъ“; напоминаетъ онъ Германа и своимъ характеромъ и своимъ поведеніемъ. Вспомнимъ, что Пушкинъ говоритъ о Германѣ: „Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостію. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій“. Въ основѣ его страсти лежить тоже стремленіе къ независимости: „Нѣтъ, расчесть, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроить, усмирить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!“ восклицаетъ Германъ, борясь съ искушеніемъ внезапнаго обогащенія. Недаромъ пушкинское выраженіе „неподвижная идея“ изъ „Пиковой Дамы“ было такъ прочно усвоено Достоевскимъ,³⁾ и этимъ понятіемъ онъ пользуется въ „Подросткѣ“, чтобы передать состояніе „одержимости идеей“, которой такъ часто болѣны его герои. Какъ-бы въ параллель къ пушкинскому общему положенію, которымъ открывается VI глава „Пиковой Дамы“: „двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ...“, Достоевскій даетъ и свое обобщенное положеніе объ идеѣ-страсти: „...имѣя въ умѣ нѣчто неподвижное, всегдашнее, сильное, которымъ страшно занять —

¹⁾ Упом. изд., стр. 67. Подчеркн. Достоевскимъ.

²⁾ Т. ж., стр. 68.

³⁾ См. объ этомъ у К. Истомина, упом. работа, стр. 32.

как-бы удаляешься тѣмъ самымъ отъ всего міра въ пустыню и все, что случается, проходитъ лишь вскользь, мимо главнаго“.¹⁾

Скупой Рыцарь тоже находится во власти „неподвижной“ идеи. Вспомнимъ извѣстные строки монолога барона:

„Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обрѣсло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла...“

— и мы вмѣстѣ съ Подросткомъ вправѣ воскликнуть: „тутъ тотъ же монастырь, тѣ же подвиги схимничества. Тутъ чувство, а не идея!“ И какъ бы въ подтвержденіе связи этого мѣста съ приведенными строками, Достоевскій дальше ставитъ вопросъ о совѣсти: „Для чего? Зачѣмъ? Нравственно-ль это и не уродливо-ль ходить въ дерюгѣ и ѣсть черный хлѣбъ всю жизнь, таская на себѣ такія деньжища?“²⁾

Подростокъ страшно честолюбивъ и властолюбивъ: „... чуть ли не съ самага дѣтства, я иначе не могъ вообразить себя, какъ на первомъ мѣстѣ, всегда и во всѣхъ оборотахъ жизни“³⁾ и его мечта „о первомъ мѣстѣ“ вполне отвѣчаетъ тому „холму“, который въ мечтахъ воздвигъ себѣ баронъ, чтобы „съ высоты его взирать на все, ему подвластное“. И, подобно барону, Подростокъ убѣжденъ, что путь къ этой власти лежитъ черезъ деньги. Вѣра во всемогущество денегъ составляетъ самое ядро ихъ убѣжденія. „Въ томъ то и ‚идея‘ моя, въ томъ то и сила ея, что деньги—это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже ничтожество“. И совершенно въ духѣ памятнаго мѣста изъ монолога барона:

„Лишь захочу—воздвигнутся чертоги:
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды.
Я свистну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣтъ, въ нихъ знакъ моей читая воли...“, —

— совершенно въ духѣ этого мѣста протекаютъ и мечты идейнаго стяжателя: „Я, можетъ быть, и не ничтожество, но я, напримѣръ, знаю, по зеркалу, что моя наружность мнѣ вредитъ, потому что лицо мое ординарно. Но будь я богатъ, какъ Ротшильдъ — кто будетъ справляться съ лицомъ моимъ, и не тысячи ли женщинъ, только свистни, на-

¹⁾ Упом. изд., стр. 81.

²⁾ Т. ж., стр. 68.

³⁾ Т. ж., стр. 75.

летятъ ко мнѣ со своими красотами . . . Я, можетъ быть, и уменъ. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тутъ же найдется въ обществѣ человѣкъ въ восемь пядей во лбу — и я погибъ. Между тѣмъ, будь я Ротшильдомъ,—развѣ этотъ умникъ въ восемь пядей будетъ что-нибудь подлѣ меня значить? Да ему и говорить не дадутъ подлѣ меня! Я, можетъ быть, остроуменъ; но вотъ подлѣ меня Талейранъ, Пиронъ — и я затемненъ, а чуть я Ротшильдъ — гдѣ Пиронъ, да, можетъ быть, гдѣ и Талейранъ?“¹⁾

И снова, какъ уже было въ случаѣ съ сюжетомъ нищаго Соловьева, Достоевскій совѣмъ вплотную подходитъ къ „Скупому Рыцарю“ Пушкина, наконецъ самъ признавая власть этого образа надъ собою. Онъ на разные лады развѣиваетъ сжатое до предѣла четверостишіе Пушкина:

„Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...“,

чтобы затѣмъ впасть въ ритмическій потокъ послѣднихъ словъ.

„Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны; даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это единеніе и спокойное сознаніе силы!“... „У меня сила, и я спокоенъ“,—продолжаетъ онъ. „Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣренъ что самъ, по своей волѣ, займу вездѣ послѣднее мѣсто. Будь я Ротшильдъ, я бы ходилъ въ старенькомъ пальто и съ зонтикомъ. Какое мнѣ дѣло, что меня толкаютъ на улицѣ, что я принужденъ перебѣгать въ припрыжку по грязи, чтобъ меня не раздавили извозчики. Сознаніе, что это я, самъ Ротшильдъ, даже веселило бы меня въ ту минуту. Я знаю, что у меня можетъ быть обѣдъ, какъ ни у кого, и первый на свѣтѣ поваръ, съ меня довольно, что я это знаю. Я съѣлъ кусокъ хлѣба и ветчины и буду сытъ моимъ сознаніемъ“. И дальше снова рисуется „картинка“, очень близко примыкающая къ пушкинскому монологу: „Не я буду лѣзть въ аристократію, а она полѣзетъ ко мнѣ, не я буду гоняться за женщинами, а онѣ набѣгутъ какъ вода, предлагая мнѣ все, что можетъ предложить женщина... Онѣ уйдутъ ни съ чѣмъ, увѣряя васъ, только развѣ съ подарками. Я только вдвое стану для нихъ любопытнѣе,

. . . „съ меня довольно
Сего сознанья“²⁾

Достоевскому, понятно, послѣ этого ничего другого не оставалось, какъ прямо указать на связь мечтаній своего героя съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“. Онъ это и сдѣлалъ въ уже приведенныхъ въ началѣ нашей работы словахъ Подростка: „Я еще съ дѣтства выучилъ

¹⁾ Т. ж., стр. 75.

²⁾ Т. ж., ст. 75—76.

наизусть монологъ Скупого Рыцаря Пушкина; выше этого, по идеѣ, Пушкинъ ничего не производилъ! Тѣхъ же мыслей я и теперь“.

9.

Но въ своемъ истолкованіи страсти накопленія въ „Подросткѣ“ Достоевскій далеко не такъ зависитъ отъ Пушкина, какъ можетъ показаться послѣ приведенныхъ сопоставленій. Мимоходомъ уже было отмѣчено, что Достоевскій „сдвинулъ“ сюжетъ „Скупого Рыцаря“, перемѣнивъ психологическія роли отца и сына. Наградить сына „идеей“ отца, а сына сдѣлать идейнымъ „расточителемъ“ въ этомъ была оригинальность замысла Достоевскаго по сравненію со „Скупымъ Рыцаремъ“. Этотъ сдвигъ сюжета открывалъ Достоевскому новыя возможности. Постановка проблемы стяжательства выигрывала въ остротѣ и глубинѣ. Если Пушкинъ давалъ отвѣтъ на вопросы: какъ и за чѣмъ скупецъ накопляетъ свои богатства, то Достоевскій пошелъ дальше и показалъ, по ч е м у, т. е. благодаря какимъ условіямъ возникаетъ и укореняется самая идея-страсть. Конечно, баронъ Пушкина такой же фантастъ и мечтатель, какъ и Подростокъ, но мечтательство его не такъ бросается въ глаза, такъ какъ оно заслонено господствующей страстью — властолюбіемъ. Однако, эта послѣдняя страсть могла вырасти до такихъ размѣровъ только на почвѣ уязвленнаго самолюбія; въ душѣ скупца должна была наличествовать какая-то травма, оставшаяся скрытой отъ насъ. Эту-то сторону съ художественной тонкостью пріоткрываетъ намъ Достоевскій въ своемъ истолкованіи пушкинскаго образа.

„Яростная мечтательность“ вела къ отчужденности отъ жизни, къ „выходу изъ общества“. „Да, я жаждалъ могущества всю мою жизнь, могущества и уединенія. Я мечталъ о томъ даже въ такихъ еще лѣтахъ, когда уже рѣшительно всякій засмѣялся бы мнѣ въ глаза, если-бъ разобралъ, что у меня подъ черепомъ. — Вотъ почему я такъ полюбилъ тайну. Да, я мечталъ изо всѣхъ силъ и до того, что мнѣ некогда было разговаривать; изъ этого вывели, что я нелюдимъ...“¹⁾ Мы видимъ передъ собою типичнаго мечтателя и фантаста, создающаго причудливую жизнь въ своихъ мечтахъ и ушедшаго отъ реальной жизни въ міръ вымысла. „Особенно счастливъ я былъ, когда ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ, въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на новый ладъ“.²⁾

Уединеніе, „уходъ въ подполье“ становится навязчивой идеей мечтателя. „Вся цѣль моей ‚идеи‘ — уединеніе“, говоритъ Подростокъ. Въ „Скупомъ Рыцарѣ“ должно было плѣнить Подростка не только совпаденіе въ мечтѣ о властвованіи и могуществѣ, не только гордое сознаніе своей силы, но и „фантастичность“ самого образа барона.

¹⁾ Упом. изд. стр. 74.

²⁾ Тамъ же.

„Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ“, —

развѣ это не тотъ же „выходъ изъ общества“, о которомъ мечтаетъ юный стяжатель, развѣ это не тотъ же уходъ отъ жизни „подъ одѣяло“, куда скрывается страстный мечтатель и фантастъ? И кто знаетъ, можетъ и для Скупого Рыцаря не столь важны были накопленныя имъ сокровища и сознание своего могущества, сколько возможность уйти отъ людей въ свой тайный подвалъ и, сидя на вѣрномъ сундукѣ, въ мечтахъ „пересоздавать жизнь на иной ладъ“. Недаромъ онъ такъ испугался, когда герцогъ его вновь призвалъ ко двору.

Но вѣдь мечтательство чаще всего есть протестъ противъ жизни, которая не удовлетворяетъ мечтателя, стремление вырваться изъ законовъ необходимости въ царство свободы. Мечтатель всегда пытается внести поправку въ свою жизнь, явно неудавшуюся. Въ конечномъ счетѣ это протестъ личности противъ насильственно навязанной ему судьбы. И тутъ естественный переходъ къ той философіи денегъ, которая играетъ такую большую роль у Достоевскаго. Деньги, обладаніе ими одинъ изъ способовъ преодолѣть слѣпой случай, подчинить себѣ судьбу, а не ей подчиниться. Вѣдь бѣдность — только игра случая, какъ богатство — „фортуна“. Къ игрѣ случая относятся и прирожденныя качества, и за то, что человекъ не вышелъ лицомъ, что онъ обдѣленъ природой, не онъ несетъ отвѣтственность. Всякое не равенство, природное и социальное, въ основѣ своей несправедливо, ибо оно создано игрою случайности. И въ борьбѣ съ этимъ случаемъ обдѣленный хватается за деньги, какъ единственное средство возстановить справедливость. „Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но въ то же время и высочайшее равенство, и въ этомъ вся главная ихъ сила. Деньги сравниваютъ всѣ неравенства“.¹⁾

При остромъ сознании своей личности и мучительномъ убѣжденіи въ извѣстной обдѣленности и создается тотъ протестъ „ничтожества“, философію котораго пытается формулировать Подростокъ. „Въ томъ то и идея моя, въ томъ то и сила ея, что деньги это единственный путь, который приводитъ на первое мѣсто даже ничтожество“ и въ другомъ мѣстѣ: „Мнѣ нравилось ужасно представлять себѣ существо, именно безталанное и серединное, стоящее передъ міромъ и говорящее ему съ улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великіе и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вотъ я — бездарность и незаконность, и все-таки выше васъ, потому что вы сами этому подчинились“.²⁾ Въ этомъ мѣстѣ Достоевскій приближается къ другому пушкинскому шедеврѣ, къ „Мочарту и Сальери“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75. Подч. мною.

²⁾ Т. ж. въ порядкѣ цитированія стр. 75 и 78.

„Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше...“ —

этотъ бунтъ Сальери противъ несправедливости судьбы во многомъ родствененъ бунту Подростка. Какъ и у Пушкина, герой Достоевскаго беретъ на себя смѣлость внести поправку въ игру случая, противопоставивъ судьбѣ упорство человѣческой воли. Медленное упорное накопленіе должно дать то, что „безумцу, гулякѣ праздному“ дается счастливой игрой случая. Отсюда понятенъ и интересъ Достоевскаго къ проблемѣ „игры“, гдѣ такъ наглядно рисуется эта слѣпота счастья и удачи. Не удивительно, что онъ и здѣсь пытается выработать свою систему несомнѣннаго выигрыша, основанную тоже на силѣ воли и выдержкѣ. Онъ убѣжденъ, что „въ азартной игрѣ, при полномъ спокойствіи характера, при которомъ сохранилась-бы вся тонкость ума и расчета, невозможно не одолѣть грубость слѣпого случая и не выиграть“.1) „Грубость слѣпого случая“ — вотъ тотъ врагъ, который долженъ и можетъ быть побѣжденъ упорствомъ и силой воли. Въ „Запискахъ изъ подполья“ борьба велась съ законами природы, съ „дважды два четыре“; въ „Подросткѣ“ она ведется съ игрой случая, съ Промысломъ Божиимъ, въ конечномъ счетѣ. Утвержденіе своей полной свободы, утвержденіе личности, освобожденной отъ всѣхъ связующихъ ее путъ — вотъ въ чемъ послѣдній смыслъ „идеи“ Подростка. Ему нужны не деньги, а свобода. „Мнѣ не нужно денегъ, или, лучше, мнѣ не деньги нужны; даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что приобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя приобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется мѣръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила и я спокоенъ“.2)

Такъ своими путями пришелъ Достоевскій къ проблемѣ страсти накопленія. Его пути встрѣтились съ путями Пушкина, но не совпали. „Скупымъ Рыцаремъ“ въ своемъ „Подросткѣ“ Достоевскій пользуется, какъ художественнымъ образомъ, удобнымъ для выявленія одной стороны своей идеи. Но его собственная идея не покрывается ею: она шире и связана со всѣмъ его творчествомъ. Она ведетъ насъ къ основнымъ проблемамъ, поставленнымъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Записки изъ подполья“, „Игрокъ“, „Преступленіе и Наказаніе“ и, наконецъ, „Братя Карамазовы“.

10.

Очень рано „Скупой Рыцарь“ Пушкина долженъ былъ привлечь вниманіе Достоевскаго и своей коллизіей между отцомъ и сыномъ. Къ этому вели его и личныя переживанія, связанныя съ тяжелымъ ха-

1) Т. ж., стр. 239. Подчеркн. мною.

2) Т. ж., стр. 75.

ракторомъ отца и его скупостью. Достаточно перечитать раннія письма Достоевскаго къ отцу и брату, чтобы почувствовать, какъ близки должны были быть Достоевскому переживанія молодого Альбера. Въ письмѣ къ отцу отъ 10 мая 1839 г., гдѣ имѣются памятные строки: „но все таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю“, Достоевскій прямо подчеркиваетъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ душевной драмы Альбера, а именно свое ложное положеніе въ обществѣ. „Папинька, вспомните, что я служу въ полномъ смыслѣ слова. Волей или неволей, а я долженъ сообразаться вполнѣ съ уставами моего теперешняго общества. Къ чему же дѣлать исключенье собою? Подобныя исключенья подвергаютъ иногда ужаснымъ неприяностямъ. Вы сами это понимаете, любезный Папинька. Вы жили съ людьми...“¹⁾

Пушкина Достоевскій уже подросткомъ „чуть не всего зналъ наизусть“²⁾ и смерть его была для него почти личной утратой. Позже, вспоминая свою поѣздку съ братомъ въ Петербургъ, Достоевскій писалъ: „Мы дорогой сговаривались съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидѣть ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ“³⁾

При такомъ знаніи и отношеніи къ Пушкину легко допустить, что Достоевскій не разъ въ горькихъ раздумьяхъ своихъ отождествлялъ себя съ молодымъ Альберомъ и вмѣстѣ съ нимъ восклицалъ:

„ о бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!“

Не разъ въ душѣ молодого Достоевскаго должно было подниматься недоброе чувство противъ скряги-отца, а трагическая смерть его (онъ былъ удушенъ своими крестьянами-крѣпостными въ 1839 г.) должна была вызвать чувство раскаянія и виновности, и можно предположить, что при нервно-мнительной душевной организаціи, эти переживанія могли принять характеръ самообвиненія, ощущение причастности своей — въ желаніяхъ — къ преступленію. Я не имѣю въ виду здѣсь развивать подробнѣе эту тему личнаго характера, тѣмъ болѣе, что она уже нашла въ литературѣ о Достоевскомъ свое отраженіе, временами даже слишкомъ далеко заходящее въ своихъ выводахъ,⁴⁾ но мнѣ важно здѣсь подчеркнуть, что личныя переживанія и

¹⁾ Письма, I, стр. 52.

²⁾ Біографія..., отд. I, стр. 24.

³⁾ Дневн. писателя за 1876 г. Янв., гл. III/I. Полн. собр. соч. 1895 г., т. X, ч. I, стр. 32.

⁴⁾ См. Т. К. Розенталя. „Страданіе и творчество Достоевскаго. Психогенетическое изслѣдованіе“. („Вопросы изученія и воспитанія личности“, 1919 г., № 1., стр. 88—107, работа неокончена), Jolan Neufeld. „Dostojewski. Skizze zu einer Psychoanalyse“. (Wien, Imago-Bücher IV, 1923), Sigm. Freud „Dostojewski und die Vätertötung“ („Die Urgestalt der Brüder Karamasoff“, Münch., Piper Verl. 1929, Ss. XIII—XXVI). Касаюсь я этой темы также въ своей работѣ о „Хозяинѣ“ (см. Alfred Vém. „Tajemství osobnosti Dostojevského“. Praha, nakl. Otto, 1928, str. 47—100).

воспоминанія прошлаго должны были поддерживать въ Достоевскомъ интересъ къ темѣ коллизіи отца и сына, а въ частности приковать его вниманіе къ постановкѣ этой проблемы въ „Скупомъ Рыцарѣ“ Пушкина. Объ извѣстной связи этой темы у Достоевскаго со „Скупымъ Рыцаремъ“ говоритъ и то обстоятельство, что то или иное отраженіе ея мы находимъ именно въ томъ ряду произведеній, которыя дали намъ матеріаль для нашихъ предыдущихъ размышленій.

Уже въ „Житіи великаго грѣшника“ всплываетъ тема о столкновеніи сына съ отцомъ („отецъ высѣкъ его — разрывъ — я васъ не считаю своимъ отцомъ“), а связь этой темы съ личными припоминаніями выдаетъ другая запись объ отцѣ, Альфонскомъ: „Тутъ (А-го), задурившаго въ деревнѣ могли убить крестьяне, чему мальчикъ могъ быть свидѣтелемъ...“¹⁾ Тема эта затѣмъ перекидывается въ ром. „Подростокъ“, гдѣ самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ мотивомъ „страсти-накопленія“. Сложныя взаимоотношенія Версилова-отца съ Долгоруковымъ-сыномъ являются дальнѣйшимъ усложненіемъ этой темы, выливаясь въ сложный комплексъ чувства „любви-ненависти“. Не разъ у Долгорукова прорывается чувство вражды къ отцу и, въ моменты его обостренія, онъ бросаетъ ему въ лицо: „Берегитесь, Версиль, не дѣлайте меня врагомъ вашимъ“.²⁾ Для насъ важно здѣсь отмѣтить, что уже въ „Подросткѣ“ вплетается въ эту коллизію тема о соревнованіи, о любви отца и сына къ одной женщинѣ. Это важно потому, что на этой двойной схемѣ—вражды отца и сына и соперничества строятся взаимоотношенія Федора Павловича Карамазова и сына Дмитрія въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Такъ тянутся нити отъ „Скупого Рыцаря“ черезъ „Житіе великаго грѣшника“ и „Подростка“ къ роману „Братья Карамазовы“. Если это предположеніе вѣрно, то въ самомъ романѣ „Братья Карамазовы“ должны найтись конкретныя отраженія этой идейно-сюжетной связи.

Въ основѣ столкновенія Федора Павловича съ сыномъ Дмитриемъ лежатъ деньги. Старый Карамазовъ, хотя и не былъ скупцомъ въ обычномъ значеніи этого слова, но цѣну деньгамъ очень и очень зналъ. Онъ развилъ въ себѣ „особенное умѣніе сколачивать и выколачивать деньгу“. Подобно барону, онъ „всю жизнь боялся, что и сыновья, Иванъ и Алексѣй, тоже когда-нибудь придутъ да и попросятъ денегъ“.³⁾ Убѣжденіе во всемогуществѣ денегъ, въ ихъ магическую силу онъ высказываетъ неоднократно. Но въ немъ, развратникѣ и сластолюбцѣ, вся сила мечтаній сосредоточена на одномъ — женщинахъ. Изъ всего мнѣнія „Скупого Рыцаря“ онъ усвоилъ прочно только одно мѣсто:

„Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпой . . .“

¹⁾ Упом. изд. въ порядкѣ цитированія, стр. 66 и 74.

²⁾ Упом. изд., стр. 114, см. также стр. 319.

³⁾ Ром. „Братья Карамазовы“ здѣсь и всюду цитирую по изд. „Полн. собр. худож. произв.“ Госуд. издательство, т. т. IX и X. См. въ порядкѣ цитир. IX, стр. 24 и 19.

Сорвавъ всѣ оболочки высокаго поэтическаго стиля, Федоръ Павловичъ это свое убѣжденіе высказываетъ сюсюкающимъ тономъ развратника сыну своему Алексѣю: „Я, милѣйшій Алексѣй Федоровичъ, какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было бы вамъ это извѣстно, а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе . . . Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу и еще лѣтъ двадцать на положеніи мужчины состоять, такъ вѣдь состарѣюсь — поганъ стану, не придутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного себя-съ, милый сынъ мой, Алексѣй Федоровичъ, было бы вамъ извѣстно, потому что я въ сквернѣ моей до конца хочу прожить, было бы вамъ это извѣстно . . .“¹⁾

Развѣ это не тотъ же, только исковерканный и изгаженный психологіей Федора Павловича, протестъ ничтожества противъ несправедливаго случая и законовъ природы, который уже былъ такъ ярко высказанъ въ „Запискахъ изъ подполья“ и „Подросткѣ“? У старика Карамазова въ его жаждѣ къ деньгамъ имѣется конкретная цѣль, цѣль эта — Грушенька, и въ этомъ его отличіе отъ идейныхъ стяжателей. Онъ не теоретикъ, а практикъ. Но убѣжденіе въ могуществѣ богатства онъ раздѣляетъ съ первыми въ полной мѣрѣ: „А на Грушкѣ сейчасъ женюсь, только захочу. Потому что съ деньгами стоитъ только захотѣть-съ, Алексѣй Федоровичъ, все и будетъ.“²⁾

Въ Дмитріи Карамазовѣ, въ свою очередь, ярко выражены черты „безумца и расточителя“. Онъ принадлежитъ къ тому разряду людей, кто „всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого понятія“. Всѣ его взаимоотношенія съ отцомъ свелись къ вопросу о его наслѣдствѣ. Въ ссорахъ со своимъ отцомъ изъ-за спорныхъ денегъ его раздраженіе достигаетъ крайняго напряженія. Нужда въ деньгахъ, которыя должны служить его страсти, приводитъ его къ униженію и позору. Все сгущается вокругъ „роковыхъ“ трехъ тысячъ, которыя Дмитрій считаетъ незаконно удержанными отцомъ. „Итакъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, и ,единственно потому, что не хватило денегъ, о позоръ“. Отецъ въ своихъ мстительныхъ мечтахъ готовъ раздавить Дмитрія „какъ таракана“. „А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я черныхъ таракановъ ночью туплей давлю: такъ и щелкнетъ, какъ наступишь. Щелкнетъ и Митька твой . . .“, говоритъ онъ Алешѣ. Сынъ въ мысляхъ своихъ и открытыхъ высказываніяхъ не разъ договаривается до отцеубійства.³⁾

У Пушкина съ большой тонкостью уже заложено будущее ядро этой коллизіи отца и сына на почвѣ денегъ. Альбертъ, поставленный

¹⁾ Упом. изд. IX, стр. 171.

²⁾ Т. ж.

³⁾ Упом. изд. въ порядкѣ цитир., т. X, стр. 44, 43, IX, стр. 173.

въ ложное положеніе скупостью отца, доведенный нуждой до униженія и позора, втайнѣ мечтаетъ объ отцовскомъ наслѣдствѣ. Золото „когда нибудь послужитъ мнѣ, лежать забудетъ“, вырывается у него въ разговорѣ съ Соломономъ. Но вѣдь это признаніе равносильно желанію скорѣйшей смерти отца. Соломонъ только ловко подхватываетъ то, что ему подсказалъ самъ Альберъ. Своимъ „амен“, на пожеланіе Соломона „пошли Вамъ Богъ скорѣй наслѣдство“, Альберъ становится идейнымъ соучастникомъ преступнаго замысла Соломона.

У Достоевскаго этотъ замыселъ раздвоился. Роль непосредственнаго протеста, открытый бунтъ противъ отца онъ возлагаетъ на Дмитрія, идейное отцеубійство онъ связываетъ съ Иваномъ.

Сцена въ монастырѣ, соотвѣтственно съ этимъ, во многомъ отвѣчаетъ сценѣ во дворцѣ „Скупого Рыцаря“. Судьею въ спорѣ отца съ сыномъ, вмѣсто герцога, долженъ здѣсь явиться Зосима. Задуманное примиреніе превращается въ сцену бурнаго столкновенія между отцомъ и сыномъ. Ѳедоръ Павловичъ начинаетъ съ обвиненія сына Дмитрія, сравнивая его съ Францемъ Моромъ: „Божественный и святѣйшій старецъ! — вскричалъ онъ, указывая на Ивана Ѳедоровича. — Это мой сынъ, плоть отъ плоти моя, любимѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сынъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ишу, — это ужъ непочтительнѣйшій Францъ Моръ, — оба изъ Разбойниковъ Шиллера, а я, я самъ, въ такомъ случаѣ ужъ Regierender Graf von Moog! Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ“.¹⁾ А далѣе развиваются подробно слова барона о сынѣ изъ „Скупого Рыцаря“:

„Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ . . .“

Я не буду здѣсь подробно излагать эту сцену изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Мнѣ важно только выдѣлить нѣкоторыя детали въ ней, выдающія ея связь со сценой во дворцѣ изъ „Скупого Рыцаря“.

Со свойственной Достоевскому чертой сниженія стиля, переходящаго часто въ пародированіе, повторяетъ онъ въ этой сценѣ трагическій моментъ вызова отцомъ сына на дуэль. Напомню эту сцену: Альберъ бросается въ комнату, услышавъ изъ устъ отца обвиненіе въ томъ, что онъ хотѣлъ его обокрасть. Разыгрывается памятная сцена:

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (сыну).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!

Ты мнѣ отцу такое слово молвить!

Я лгу! и передъ нашимъ Государемъ!

Мнѣ, мнѣ . . . иль ужъ не рыцарь я? . . .

¹⁾ Ч. I, кн. 2-я, гл. VI: „Зачѣмъ живетъ такой человекъ!“ Т. ж. IX, стр. 73.

Альберъ.

Вы лжець.

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми-жь, и мечъ насъ разсуди!

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Если схематически воспроизвести сцену „скандала“ въ кельѣ, то врядъ ли можно будетъ усомниться въ сходствѣ ея со сценой столкновенія барона съ сыномъ.

„ — Безстыдникъ и притворщикъ! — неистово рявкнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Это онъ отца, отца!

— Ложь все это! Снаружи правда, внутри ложь! весь въ гнѣвѣ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ

— Дмитрій Ѳедоровичъ! — завопилъ вдругъ какимъ то не своимъ голосомъ Ѳедоръ Павловичъ, — если бы только вы не мой сынъ, то я въ ту же минуту вызвалъ бы васъ на дуэль . . . на пистолетахъ, на разстояніи трехъ шаговъ . . . черезъ платокъ, черезъ платокъ! — кончилъ онъ, — топя ногами

Дмитрій Ѳедоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на отца.

— Я думалъ . . . я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно проговорилъ онъ, — что приѣду на родину съ ангеломъ души моей, невѣстой моей, чтобы лелѣять его старость, а вижу лишь развратнаго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!

— На дуэль! — завопилъ опять старикашка, задыхаясь и брызгаясь съ каждымъ словомъ слюной.“

Повторяется до извѣстной мѣры и обвиненіе отцомъ сына въ его намѣреніи убить его :

„ — Зачѣмъ живетъ такой человекъ! — глухо прокричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, какъ-то чрезвычайно поднявъ плечи и почти отъ того сгорбившись, — нѣтъ, скажите мнѣ, можно ли еще позволить ему безчестить собою землю, — оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старика рукой . . .

— Слышите ли, слышите ли вы, монахи, отцеубійцу, набросился Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа . . .“¹⁾

Обвиняетъ Ѳедоръ Павловичъ сына, подобно герцогу, и въ намѣреніи его обокрасть.

„Онъ тамъ въ спальнѣ у меня деньги укралъ“, воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ въ главѣ „Сладострастники“.²⁾

И, какъ бы въ желаніи подчеркнуть пародійность образа старика Карамазова по сравненію съ пушкинскимъ „Скупымъ Рыцаремъ“, Достоевскій заставляетъ Ѳедора Павловича воскликнуть: „Позвольте,

¹⁾ Тамъ же IX, стр. 74—76.

²⁾ Тамъ же IX, стр. 139.

отецъ игумень, я хотъ и шутъ, и представляюсь шутомъ, но я рыцаръ чести и хочю высказать. Да-съ, я рыцаръ чести“...¹⁾

Шутовское присвоение себѣ принадлежащей ему роли рыцаря служитъ здѣсь указаніемъ на отдаленную связь этой сцены въ монастырѣ со сценой, разыгравшейся нѣкогда во дворцѣ герцога въ пушкинской драмѣ.

Что самъ Достоевскій придавалъ большое значеніе именно всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя послужили намъ опорными пунктами въ нашемъ сближеніи этихъ двухъ сценъ, свидѣтельствуя и черновыя замѣтки къ роману „Братья Карамазовы“, недавно опубликованныя. Среди этихъ записей дважды упоминается вызовъ на дуэль, дважды говорится о „рыцарѣ чести“, стоитъ отмѣтка: „Карль Моръ и Францъ Моръ.“²⁾ Еще тогда, когда Достоевскій только продумывалъ планъ романа, онъ уже построилъ схему этой сцены, въ процессѣ художественной обработки заполненной тѣми деталями, которыя придали ей художественную цѣльность и законченность. Но именно эти рукописныя записи освобождаютъ насъ отъ упрека въ произвольности нашего схематичнаго изложенія сцены въ кельѣ, сдѣланной нами въ цѣляхъ ея сопоставленія со сценой во дворцѣ изъ „Скупого Рыцаря“. Не является ли въ такомъ случаѣ и пародійнымъ отраженіемъ заключительныхъ словъ герцога:

„Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца“

сентенція, вложенная въ этой сценѣ въ уста Міусова:

„Отецъ ревнуетъ сына къ сквернаго поведенія женщинѣ и самъ съ этою же тварью сговаривается засадить сына въ тюрьму... И вотъ въ такой-то компаніи меня принудили сюда явиться... Я обмануть, я заявляю всѣмъ, что обмануть не менѣе другихъ...“³⁾

„Хотѣлъ убить, но не убилъ“, такъ воспринимаетъ Дмитрій Федоровичъ свою вину передъ самимъ собою и Богомъ. „... Въ крови отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то, что убилъ его, а за то, что хотѣлъ убить, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ убилъ бы,“⁴⁾ говоритъ онъ во время допроса. Но моральный убійца, подлинный соучаст-

¹⁾ Часть I, кн. 2, гл. VIII „Скандалъ“. Тамъ же IX, 90.

²⁾ Къ сожалѣнію, текстъ рукописей къ „Братьямъ Карамазовымъ“ опубликованъ пока только въ нѣмецкомъ переводѣ. Это лишаетъ насъ возможности войти въ болѣе детальное сопоставленіе рукописныхъ замѣтокъ съ окончательнымъ текстомъ. Во избѣжаніе обратнаго перевода съ нѣмецкаго на русскій, приведу соответствующія мѣста въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ онъ данъ въ изданіи: „F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch“. (Münch., Piper. Verl. 1929). Стр. 2 рук. Пушкинск. Дома: „Ich bin der Ritter, der Ritter der Ehre!“ (стр. 245); стр. 4 рук.: „Un chevalier d'honneur“ (стр. 248); стр. 5 рук.: „Ich bin ein Ritter der Ehre“ (стр. 250); стр. 3 рук.: „Dimitri Fjodorowitsch, in Hinkunft wollen Sie mich nicht kennen! Aber ich bin ja bereit, Sie zum Duell herauszufordern“ (стр. 247); стр. 4 рук.: „Auf Pistolen. Da ist meine Brust, schlage zu“ (стр. 250); стр. 4 рук.: „Karl Moor und Franz Moor“ (стр. 248); „Regierender Graf von Moor“ (стр. 249).

³⁾ Тамъ же стр. IX, стр. 75.

⁴⁾ Тамъ же X, стр. 181.

никъ преступленія — Иванъ; Смердяковъ беретъ на себя только истолкованіе и проведеніе въ жизнь его тайныхъ желаній. Сообразно такому перемѣщенію ролей, сцена между Альберомъ и Соломономъ, гдѣ заложена уже эта проблема моральной преступности, находится въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ свое соотвѣтствіе во встрѣчахъ Ивана Ѳедоровича со Смердяковымъ. Въ этихъ сценахъ послѣдовательно развиты и углублены основные мотивы, уже имѣвшіеся въ зародышѣ въ пушкинской драмѣ. Иванъ не только въ минуты раздраженія, какъ Дмитрій, но въ спокойномъ состояніи и при полномъ сознаніи дошелъ до убѣжденія въ желательности смерти отца. Его нелюбовь къ Дмитрію приводитъ его къ извѣстной формулѣ: „одинъ гадъ съѣсть другую гадину, обоимъ туда и дорога“, что онъ и высказываетъ Алешѣ.¹⁾

Онъ оставляетъ за собою „полный просторъ въ желаніяхъ“, не замѣчая, какъ эти его желанія подхватываются его „Личардой вѣрнымъ“ — Смердяковымъ. Послѣдній играетъ роль Соломона, который угадываетъ тайную мысль Альбера и готовъ пойти ему навстрѣчу. Негодование Альбера, испугъ ростовщика и колебанія Альбера въ вопросѣ, брать-ли ему лудины червонцы — все это напоминаетъ четыре разговора Ивана со Смердяковымъ. Особенно любопытна здѣсь вся исторія съ отъездомъ Ивана въ Москву, на которую его подбиваетъ Смердяковъ. Это предложеніе до извѣстной мѣры отвѣчаетъ предложенію „яда“ со стороны Соломона. Альберъ преодолѣлъ въ себѣ искушеніе и прогналъ Соломона. Иванъ доводитъ свою роль до конца и своимъ отъездомъ въ Москву беретъ на себя вину соучастія въ отцеубійствѣ. Достоевскій осложнилъ едва лишь намѣченную Пушкинымъ тему моральной виновности за преступное желаніе смерти отца цѣлымъ клубкомъ сложныхъ идей и переживаній. Образъ Ивана связанъ съ глубочайшими идеями самого Достоевскаго, и эти идеи не находятся уже въ связи со „Скупымъ Рыцаремъ“. Но именно Пушкинъ въ „Скупомъ Рыцарѣ“ намѣтилъ въ проблематикѣ вины-отвѣтственности ту форму „преступленія въ желаніи“, которая роковымъ образомъ приводитъ къ трагедіи. И эту намѣченную Пушкинымъ проблему подхватилъ и гениально поставилъ Достоевскій своимъ образомъ Ивана Карамазова.

11.

Отъ „Господина Прохарчина“ къ „Братьямъ Карамазовымъ“ прослѣдили мы отголоски воздѣйствія „Скупого Рыцаря“ Пушкина на творчество Достоевскаго. Чѣмъ же объясняется такая сила притяженія пушкинской драмы на Достоевскаго? Нѣтъ ли какой нибудь внутренней связи между тѣми произведеніями, въ которыхъ мы обнаружили слѣды этихъ отраженій? А если эта связь есть, то не она-ли и явится тѣмъ основнымъ въ творествѣ Достоевскаго, что дѣлало для него столь притягательными образы пушкинскаго „Скупого Рыцаря“?

¹⁾ См. IX, стр. 141.

Одной из рано волновавших Достоевского тем, как мы уже отмѣчали, былъ вопросъ объ „униженной“ бѣдности и проблема оправданія зла, въ связи съ этимъ. На этой почвѣ возникалъ острый интересъ къ темѣ о страданіяхъ ребенка и отвѣтственности за эти страданія. Интересно отмѣтить, что „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“, такъ тѣсно связанныя съ сюжетами первыхъ произведеній Достоевскаго, ставятъ довольно отчетливо этотъ вопросъ, выдвинутый потомъ съ такою остротою въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, и ставятъ его именно въ связи съ вопросомъ о бѣдности. „Бѣдность, конечно, фактъ... ну, положимъ такъ — исключительный, спорить не будемъ. Вѣдь есть же и богатые и достаточные люди; у нихъ есть дѣти милыя, умныя, воспитанныя; имъ покупаютъ зуавовъ, и зуавы, можетъ быть, не помѣшаютъ имъ быть очень хорошими людьми со временемъ... Вѣдь у насъ чрезвычайно все это странно; по неизвѣстному какому то закону дѣлается, а долженъ же быть законъ; вѣдь по законамъ же дѣйствуетъ природа и живетъ человѣкъ. А между тѣмъ, все таки странно... Но успокоимся; къ чему совершенно бесполезные вопросы. Бѣдность всегда исключеніе; всѣ живутъ кое какъ. Общество не можетъ быть все богато; общество не можетъ быть безъ случайныхъ несчастій. Не правда ли?“ Такимъ образомъ упирается проблема бѣдности и неоправданности дѣтскихъ страданій въ вопросы факта, факта слѣлого случая и фактовъ закона природы. Бунтъ бѣдности, какъ уже говорилось, связанъ съ острой переоцѣнкой могущества денегъ, а это ведетъ къ теоріи борьбы путемъ богатства. Такъ создается интересъ къ проблемѣ накопленія, какъ средства борьбы за возстановленіе справедливости. Мы видимъ, что между „Господиномъ Прохарчинымъ“, „Петербургскими сновидѣніями въ стихахъ и прозѣ“, „Записками изъ подполья“ и „Подросткомъ“ есть внутренняя связь, оправдывающая тяготѣніе всѣхъ этихъ произведеній къ проблематикѣ денегъ и накопленія, поставленной Пушкинымъ въ „Скупомъ Рыцарѣ“. Самостоятельная постановка Достоевскимъ проблемы личности и ея свободы оказалась связанной съ темой накопленія не случайной, а органической связью.

Но эта органическая связь можетъ быть установлена и между такими казалось-бы отдаленными между собою произведеніями, какъ „Господинъ Прохарчинъ“ и „Братья Карамазовы“. Эта связь дана въ проблемѣ вины, окрашивающей оба эти произведенія, находящіяся на разстояніи начала и конца литературной дѣятельности Достоевскаго.

Мы уже отмѣчали, что кошмарный сонъ Прохарчина насыщенъ не только муками совѣсти, но и сознаниемъ своей вины за чужія страданія. Сонъ этотъ уже ставитъ въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Достоевскаго моральную формулу: „всякій за всѣхъ виновать“. Не случайно поэтому сонъ Дмитрія Карамазова послѣ допроса такъ напоминаетъ сонъ Прохарчина. Какъ и тамъ — дѣти, баба, му-

1) Полн. собр. соч., изд. „Просвѣщеніе“, т. XXIII, стр. 196—197. Подчеркн. мною.

жикъ, пожаръ—образы, гнетущіе сознание. Только у Прохарчина сонъ сгущается въ кошмаръ; онъ самъ въ своемъ непроясненномъ сознаниі не находитъ выхода и освобожденія. Смутно сознаетъ онъ свою виноватость за всѣхъ, за чужія страданія и горести, но принять вины на себя не согласенъ. Ужъ слишкомъ онъ заробѣлъ за себя самого, за свою ничтожную судьбу. У Дмитрія Карамазова сонъ принимаетъ символическое значеніе, онъ уже предчувствуетъ свое очищеніе въ предстоящемъ страданіи за несодѣянное преступленіе. Его „хорошій“ сонъ—свидѣтель наступившаго катарсиса. Но сродство обоихъ сновъ-видѣній несомнѣнно. И внутренній смыслъ этого сна связанъ все съ тѣмъ же вопросомъ о несправедливости дѣтскихъ страданій. Во снѣ Прохарчина — „семеро дѣтей“ лысаго чиновника, жизнь которыхъ зависитъ отъ денегъ, припрятываемыхъ для одного себя оробѣвшимъ передъ жизнью Прохарчинымъ, во снѣ Дмитрія Карамазова — плачущее, промерзшее „дитѣ“ на рукахъ у бабы-погорѣлки символизируютъ нестерпимость дѣтскихъ невинныхъ слезъ. Въ этомъ и смыслъ вопроса Мити и близость этого вопроса къ протесту Ивана Карамазова противъ Промысла Божія: „Ты скажи, — восклицаетъ Митя во снѣ — почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитѣ, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, — почему не накормятъ дитѣ?“¹⁾ И онъ во снѣ постигаетъ, что является искупительной жертвой за человѣческія страданія, ибо прошелъ мимо нихъ, весь ушелъ въ свою страсть и безудержъ карамазовскую. „Всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ— пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь— изъ всѣхъ я самый подлый гадъ . . . Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь“.²⁾

Такъ проблема вины связываетъ въ одно преступленіе Прохарчина и преступленіе Дмитрія Карамазова. Уходя въ свою скорлупу, замкнутость въ себѣ и погруженіе всецѣло только въ одну страсть, разрывъ мечтателя-фантаста съ „живой жизнью“ ведетъ къ трагической развязкѣ. Душа, уязвленная чужими страданіями, вырывается или силится вырваться изъ своего одиночества, но въ этихъ позднихъ судорожныхъ попыткахъ терпитъ крушеніе. Душа, плѣненная собственною страстью, доходитъ до преступленія и въ мукахъ страданія находитъ свое очищеніе. У Пушкина, въ его „Скупомъ Рыцарѣ“ вопросъ о виновности за человѣческія страданія прямо не поставленъ. Но у Достоевскаго было законное основаніе связать свои произведенія-трагедіи съ драмой Пушкина. Сны-видѣнія Прохарчина и Дмитрія Карамазова, такъ всколыхнувшіе ихъ совѣсть, примыкаютъ къ одному пушкинскому образу, такъ хорошо всѣмъ памятнаму. Это образъ вдовы съ тремя дѣтьми. О ней вспоминаетъ баронъ въ связи со стариннымъ дублономъ, прежде чѣмъ отправитъ его въ свой сундукъ:

¹⁾ Ч. III, кн. 9-я, гл. VIII: „Показаніе свидѣтелей. Дитѣ“. Упом. изд. X, стр. 178.

²⁾ Т. ж. X, стр. 180.

„ . . . Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шель дождь, и пересталь, и вновь пошель,
Притворщица не трогалась . . .“

А проблема вины легко находила свой откликъ въ образѣ „совѣсти—когтισταго звѣря“, съ такой удивительною силою даннаго Пушкинымъ. Тяжкое же раздуміе надъ образомъ самого барона и его столкновениемъ съ сыномъ, поддержанное личными переживаніями, давало пищу для волновавшихъ творческое воображеніе Достоевскаго вопросовъ о судьбѣ мечтателя-фантаста, плѣнненнаго „неподвижной“ идей-страстью, съ одной стороны, и проблемѣ отцовъ и дѣтей—съ другой. Эта внутренняя связь одного творческаго ряда произведеній, разобранныхъ нами выше, съ намѣченными въ „Скупомъ Рыцарѣ“ образами и проблемами, и объясняетъ намъ притягательную силу пушкинской драмы на протяженіи всей литературной дѣятельности Достоевскаго.

Прага, 30 мая 1929 г.

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА